

ЖАННА
БОЧМАНОВА

Остров

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПОЧТИ РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Жанна Бочманова

Остров

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бочманова Ж.

Остров / Ж. Бочманова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Для одних круиз по Средиземному - отдых, для других - способ получить запретное, а для Юли Шадринной - возможность узнать правду и восстановить справедливость. Когда-то судьба ворвалась в ее мечты надсадным воем сирены "скорой помощи". Она попыталась выстроить жизнь заново, не зная, что ее мнимое счастье оплачено обманом и шантажом. Что ж, она заплатила за это высокую цену, теперь пришла пора требовать ответ. Но выдержит ли она последнее испытание, когда придется протянуть руку помощи своему врагу или даже принять помощь от него? В оформлении обложки использованы фотографии с ресурса [pixabay](https://www.pixabay.com/) по лицензии СС0.

© Бочманова Ж., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая. Близкие люди	5
Глава 1. Вдребезги	5
Глава 2. Чердачное окно	10
Глава 3. Перемена слагаемых	15
Глава 4. Обрести и потерять	20
Глава 5. Тайное и явное	25
Глава 6. Неожиданное предложение	29
Глава 7. Странный гость	35
Глава 8. Другая жизнь	41
Глава 9. Бес в ребро	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Жанна Бочманова

Остров

Часть первая. Близкие люди

Глава 1. Вдребезги

В хирургическом отделении остро и горько разило фенолом и хлоркой. Для человека, неподвижно сидящего на жесткой, обитой дерматином лавке, этот больничный запах навсегда связался с бедой. Вот так же он сидел семь лет назад перед стеклянными дверями операционного блока, возможно, даже на этой самой скамье. И так же висели над головой круглые часы с черными стрелками, нахально отсчитывающие счет жизни, его жизни. «Не дай бог, не дай бог», – билась в его мозгу одна-единственная мысль, и в душе поднималась волна чего-то мрачного, темного, чего он и сам не понимал и боялся. От этой мысли руки его непроизвольно сжимались в кулаки, рот искажался в странном оскале, не то плача, не то крика. Поперечная складка на лбу, пролеглая меж густых черных бровей, прибавляла суровому лицу мужчины лишний десяток лет, хотя не так давно исполнилось ему всего сорок два.

Пятнадцатый год занимал Петр Шадрин должность участкового в родном поселке, знал про земляков все, или почти все: кто самогонку тайком варит, а кто на руку нечист и при случае готов утащить с соседского двора то, что плохо лежит. Хоть и нелегкая эта работа, а все равно ни разу не пожалел Петр, что перевелся в поселок, хоть и прочили ему в городе неплохую карьеру. Да он и сам поначалу именно с городом связывал свою дальнейшую судьбу. Петру, прошедшему армию, Крым и рым, скучна показалась сельская жизнь. Выбор-то невелик: или на фарфоровую фабрику глазировщиком или за баранку грузовика или трактора, хорошо, армейские друзья надоумили в школу милиции поступить.

... Жил он в общежитии, а домой на выходные приезжал, благо, от Новгорода до поселка всего сорок километров. Рыночная экономика набирала обороты, кто пошустрее да посообразительнее, открывал ларьки, торговые палатки, народ прирастал деньгами, а где деньги, там и криминал. Работы у милиции прибавилось – тут тебе и кражи, и ограбления, и новый вид – рэкет. Иной раз и домой выбраться не удавалось. А как приезжал, так душа рвалась на части от вида женщин в пестренках ситцевых платках, стоящих вдоль трассы со своими самодельными прилавками. Фарфоровая фабрика уверенно шла на дно, выдавая зарплату сервизами, кружками и статуэтками. Но Петр матери запретил чашками-плошками торговать: «Пока работаю, чтоб не смела на трассу выходить. Тоже мне, корабейница». Мать притворно вздыхала, жалилась соседкам, с тайной гордостью, вот, мол, какой сынок-то у меня, вона как мать родную жалеет, заботится. Соседки губы поджимали да вздыхали – повезло тебе, Валюха, с сынком, ничего не скажешь, даром, что муж горькую пил, царство ему небесное, так господь тебе сыночка толкового сподобил.

Материна уверенность, что сын в городе большим человеком стал, и соседям передавалась. Сначала одна к ним в избу зашла, робко у дверей мялась-мялась, а потом и выдала: «Помоги, Петр Ильич, Христом богом прошу. Гришу мово прав лишили, а как же мы теперь жить будем?» Так и сказала – Петр Ильич – сроду к Петру так на селе не обращались. Он хотел уж рукой махнуть да отказаться, не гаишник же, в самом деле, но мать смотрела с таким выражением... и жалость к непутевому Гришке и гордость за сына и чувство собственной значимости светилось в ее глазах, что Петр хмыкнул и кивнул, мол, сделаю, тетя Клав, не переживай. И

помог, как ни странно. Не так уж и сложно оказалось. Ворон ворону глаз не выклюет, а человек с человеком договориться может. С тех пор и повелось, как ни приедет, так уже бежит кто из соседей с какой-никакой просьбой или с жалобой.

Дверь операционной открылась, прервав воспоминания. Участковый вскинул глаза в тревожном ожидании и неловко поднялся, распрямляя затекшие от долгого сидения ноги. Врач дернул маску с лица, потер лоб, и кивнул, отвечая на немой вопрос.

– Операция прошла хорошо. Не волнуйтесь. Несколько дней в реанимации полежит, потом в общую палату переведем. Вы зайдите ко мне позже. Я вам хорошего пластического хирурга порекомендую.

– Зачем хирурга? – хрипло спросил Шадрин

– Ну как же, – устало произнес врач, – гипс наложили, раны зашили, а вот челюстной хирургией мы не занимаемся, так что...

– Она жива? – непонимающе нахмурился Шадрин. – Жить будет, то есть? – поправился он.

– Да бог с вами! – махнул рукой врач. – Будет, конечно. Перелом лучевой кости, небольшое сотрясение, организм крепкий – справится. Но у нее челюсть сломана, порезы, деформация лица пошла. Вам надо в челюстно-лицевую клинику, к хорошему специалисту. Она у вас девушка молодая, ей замуж, детей рожать, так что, чем быстрее, тем лучше.

Недослушав, Петр отвернулся и хмуро окинул глазами бело-кафельный коридор. Жена так же вот в больнице лежала, сама медик, и врачи в один голос уверяли – все в порядке, ничего страшного, а вот поди ж ты...

– Когда я ее... – буркнул Шадрин, – видеть-то можно ее?

– Конечно, – сказал врач, – сейчас она спит, но через час или чуть больше проснется. Ей разговаривать нельзя только. Ясно?

– Ясно, – Шадрин, коротко кивнув, пошагал к выходу. Потом остановился, как будто забыл что-то, и стремительно вернулся.

– Спасибо, доктор! – сказал он и крепко пожал тому руку.

– Не за что, – оторопел врач.

Шадрин глянул прямо в глаза жестким взглядом хищного зверя, повернулся и стремительно вышел за дверь.

– А все же к специалисту съездите! – крикнул вдогонку врач, и зябко повел плечами. Да уж, а что б он сделал, если, не дай бог, операция прошла не так успешно? Застрелил на месте? А девочку жаль. Жаль. Вряд ли такой папаша ей на пластику разорится. Н-да...

* * *

– Доча, ты дома? – крикнул Шадрин, заходя в сени. Скинул с плеча сумку, повесил на крючок фуражку и вытер со лба мелкий бисер пота. – Юля! – опять позвал он, чувствуя, что голос помимо воли выдает его с головой.

Каждый день, возвращаясь с работы, мнилось Петру, что вот уж на этот раз не ответит ему Юля. А как исправить дело, не знал, не чувствовал. Сторожа ведь не приставишь. С тех пор как забрал он дочку домой, так и не знала покоя его душа. Может, прав был доктор? Может, поехать к этому хирургу? Пусть дорого, наверное, – уж он-то, Шадрин, денег найдет. Но одна только мысль, что опять врачи будут распоряжаться жизнью единственного близкого человека, приводила его в неопикуемый ужас. Пусть такая, какая есть: с изломанным, искореженным лицом, но дочь – живая, родная – была дома. Ее можно обнять, приласкать, поговорить с ней. А если врачи, как и много лет назад, опять подведут, недоглядят, недосмотрят? Ведь до конца жизни казнить себя будешь, да и жизнь ли это будет? Лучше уж сразу в петлю.

На кухне сытно пахло картошкой и еще чем-то печеным. Петр крышку чуть приоткрыл и отшатнулся от струи густого пара. Так, обед только-только приготовлен, а где же она сама? Опять, наверное, на чердаке сидит, там у нее с детства свой угол был, а теперь и вовсе пропадает на нем целыми днями.

Пыльный луч, проникая в маленькое оконце, освещал неровный прямоугольник на полу. По углам просторного чердака ютились лыжи и прочее старье. Пахло сеном и вениками. Большой деревянный сундук с откинутой крышкой походил на киношного монстра с разинутой пастью. За ним в самом темном углу неподвижно сидела сторбленная фигурка. Да, Юля слышала звук мотора на улице, скрип двери, тяжелые шаги внизу, отцовский голос, зовущий ее, но не пошевелилась.

Осознание катастрофы пришло к ней не сразу. Поначалу боль вытеснила все мысли, все чувства, даже страх. И только потом, ощутив на лице тугую повязку, она испугалась, конечно, но не до того тошнотворного ужаса, накрывшего, когда через какое-то время ей сняли бинты и позволили посмотреться в зеркало. Врач что-то говорил быстро-быстро и так убедительно, что стало ей понятно – врет, врет, чтобы успокоить, чтобы не начала в истерике биться, чтобы... И медсестра тут же с каплями какими-то подбежала, выпить заставила и смотрела на нее при этом так жалостливо, что вот это-то и убедило, что все... ничего хорошего в ее жизни больше не будет, а будет только вот это: жалость, вранье и смущенно отведенные глаза при встречах со знакомыми.

А какая у Юли была жизнь раньше – сказочная. И словами не передать! И ведь только сейчас это поняла, а тогда воспринимала, как данность. Все признавали, что Юля в мать пошла – те же распахнутые серые глаза, высокие скулы с ярким румянцем, вспыхивающим от всякого волнения. От нее же досталась и фигура с тонкой талией, небольшой аккуратной грудью и чуть широковатыми бедрами. «И в кого вы такие уродились?» – качала головой сестра матери, тетя Нина, женщина рослая, крепко сбитая, широкая в кости, с плотными икрами и зычным голосом.

Парни местные аж на слюну исходили, когда Юля на танцполе выдавала какой-нибудь хип-хоп или хастл. Многие мечтали ее на танец пригласить, но не каждому везло: Юля хоть и с внешностью ангелочка на свет уродилась, да характером в папу пошла – спуску никому не давала с детских лет. Не раз родителям приходилось выслушивать рассказы о «подвигах» дочери. Мама ахала, папа грозно хмурил брови, а потом тихонько от всех говорил: «Правильно, доча! Пусть боятся». А маме, которая все переживала, что дочь бандиткой растет, отвечал: «Пусть учится за себя постоять. В этом мире слабакам не место». Так что парни знали, не следует к Юльке Шадринной с пивом в руке или с сигаретой в зубах и близко подходить: отошьет – мало не покажется. Да еще словом припечатает обидно-язвительным так, что кругом со смеху все полягут.

Ну, понятно, какую другую девчонку давно бы уже отучили выкаблучиваться, но тут случай особый... За Юлей, всегда незримо маячил образ отца, как некий ангел-хранитель, оберегающий строптивницу от возмездия за вредный характер. С ним, вся местная гопота знала, шутки плохи. Хорошо, если просто побьет или зубы выбьет, а ведь может и в лесочке закопать – серьезный мужик, даром что простой участковый.

Не знали парни, правда или нет, но ходили в поселке слухи про каких-то залетных, то ли бандитов, то ли рэкетиоров, что в село в одночасье приехали, да потом из него так и не уехали, а куда делись, непонятно. Машина их, брошенная, стояла-стояла, а потом и она исчезла, как и не было. Тетки в сельпо судачили, что это, мол, к местному фермеру Маканину из города за данью приезжали, да, видать, не срослось.

Слухи или нет, но история обрастала кровавыми подробностями и чем дальше, тем больше. Потому никому из парней судьбу испытывать не хотелось, тем более что всем им, что возле Юлькиных окон крутились, сказано было, что-то вроде того: жениться – женихайтесь,

но случись что, голову оторву, и кочан капустный приделаю. Да только зря Петр беспокоился, не интересовали Юлю местные парни: чего она в них не видела? С кем-то в садик ходила, с кем-то за партой сидела, одного помнила, как он, в речке купаясь, трусы потерял, другого, как тот в первом классе штаны обмочил. Ну и какие с них после этого ухажеры? Тетя Нина, качая головой, усмехалась: «Нам в женихи хоть дурака, но из другой деревни». На что Юлька голову гордо вскидывала и улыбалась чему-то, словно знала что-то такое свое, тайное, девичье.

Летом молодежи в поселке вдвое прибавлялось: к бабушкам-дедушкам, дядям-тетям, приезжали внуки, племянники на деревенские пироги да овощи-фрукты. Уже не первый раз к Никитиным, к тете Вере, племянник Костя приезжал, будоражил сердца местных красоток тем, что не спешил на них заглядываться, а все время с Вадиком, братом двоюродным, на мотоциклах по окрестностям раскатывал, да на речке пропадал. Одно и оставалось девчонкам – взявшись под руки, мимо дома Никитиных фланировать, на удачу надеясь. Юля только усмехалась, слушая рассказы подружек, как тетя Верин Костик по воду ходил, да по дороге на себя половину вылил, да как потом кроссовки фирменные с пумой на боку снял, и рубашку тоже, а джинсы модные по колено закатал и в таком виде к колонке и бегал. «А на плече у него, ей-ей, татушка наколота, а чего на ней, не разглядели, стеснялись в открытую пялиться». Юле Костик, может, тоже нравился, но не настолько, чтобы всякими глупостями заниматься.

От жары на речке спасались. Река Мста коварна – течения подводные с воронками немало народа погубили, но кто на реке всю жизнь провел, в опасные места зря не лез. А самое интересное на берегу – это старая ива, протянувшая ствол далеко над водой. Лучшего места для ныряния не придумать. А еще на ствол тарзанку навесили и с берега над водой летали, с визгом и криком в речку плюхались. Вот там-то Костя с Юлей и встретились лицом к лицу, прямо на старой иве.

Юля на подходящего к ней молодого человека равнодушно взглянула, хвост на макушке потуже затянула и сиганула с ивы прямо вниз головой, красиво изогнувшись в полете. Нырять и плавать ее папа учил, да не саженками, или по-собачьи, а по правилам, по науке: кролем да брасом, и нырять правильно – ласточкой.

К тому времени, как Юля до берега добралась и принялась воду из уха вытряхивать, легко подскакивая на одной ноге, Костик уже все выяснил и про нее, и про отца, но не отступил. Субботним вечером объявился во дворе у Шадриных – Петр как раз дрова на баню колот – поздоровался, себя представил, мол, Константин, у Никитиных гощу, и не отпустит ли Петр Ильич Юлю с ним на танцы в клуб, под его, Константина, личную ответственность. Петр только крикнул, да на Юльку многозначительно посмотрел, та презрительно усмехнулась и с деланным безразличием хмыкнула. А в душе все запело, взликовало, представила, как поразит подруг, особенно Ирку, которая давно уже по Костику сохнет. Для вида плечами пожала, не знаю, мол, идти ли, нет, но потом милостиво согласие дала. Что отец разрешит, даже не сомневалась – любой каприз своей принцессы Шадрин выполнял.

Через неделю Костя уехал. Перед отъездом похвастался, не утерпел, что собирается в Англию по программе студенческого обмена. Юля скорый отъезд кавалера спокойно восприняла, к вниманию парней и всегда-то равнодушно относилась, как к должному, а тут и подавно. Костя за неделю ей, конечно, понравиться успел, и то, что взрослый, на пять лет старше, и веселый, и какой-то раскованный, не то что свои, местные: пойдут провожать и пыхтят всю дорогу, или глупости говорят. У Кости слова лились рекой: тут анекдот к месту вставит, тут историю из жизни, а вечером, как стемнеет, про созвездия рассказывал. И совсем не приставучий: так, на прощанье руку пожмет чуть сильнее, чем следовало и чуть дольше в своей руке Юлькину ладошку задержит, пока та ее не вырвет и, звонко смеясь, за калитку не порскнет. Лишь на прощание Костик решил и в щеку Юлю чмокнул, а она нет, не осмелилась. Помахала рукой и счастливого пути пожелала, да и забыла вскоре. Но потом через месяц письмо пришло, все в марках иностранных и штемпелях.

Открытку с видом Биг-Бена, Юля на трюмо прикрепила и любовалась периодически, а иногда переворачивала и читала несколько строк беглым ровным почерком. Ничего особенного: привет, как жизнь, тра-та-та. Но все равно, душу строчки грели, не забыл, значит, в Лондонских пабах про нее питерский студент. Юля тоже мечтала: поскорей бы школу закончить, в институт поступить и уехать в большой город.

Август – пора свадебная, веселая. Очередное торжество у Никитиных отмечали, Юля там как подружка невесты находилась и среди родственников жениха с удивлением и радостью увидела Костю. Пока за столом сидели, он ей все рожицы строил, а как танцы начались, весь вечер только ее и приглашал.

За год событий и у того и другого накопилось уйма. Юля, конечно, первым делом похвасталась про институт. Костя выбранную специальность одобрил: «Будем рядышком учиться. Мой универ тоже в центре. Можно будет после лекций в «Шоколадницу» или в «Кофе хауз» забегать».

Юля лишь плечами пожала – согласилась, да, почему нет, можно и в кафе. Но внутри обрадовалась: как же ей не терпелось выйти в эту новую теперь уже совсем взрослую жизнь. А потом наступил день, в который все Юлькины мечты, надежды разбились вдребезги о бревно, свалившееся на проселок неизвестно откуда.

Они мчались по лесной дороге, оглашая окрестности ревом мотора. Крепко прижимаясь к кожаной спине парня, Юля ощущала себя той самой сказочной принцессой, которую прекрасный принц везет в волшебную страну. Мотоцикл, мягко пружиня амортизаторами, подскакивал на кочках, и она повизгивала от страха и от счастья. Ветер бросал волосы в лицо, выбивал слезы. Машина внезапно вздыбилась, словно уткнувшись в стену. Неведомая сила оторвала ее от сиденья и швырнула через руль метра на три вперед аккуратно в дерево беззащитной головой.

Глава 2. Чердачное окно

Иногда ей снилось, что не было никакой аварии, что она, как прежде, первая красавица поселка и мечта всех местных парней, и впереди ее ждет учеба в институте большого красивого города. Тем горше было пробуждение. Лучше бы она сразу страшилищей уродилась! Кому она теперь нужна? Днями просиживала она на чердаке, где еще хранились остатки соломы и где стоял старый бабушкин сундук с кованными железными углами. Девочкой любила Юля играть здесь с куклами или читать книги, пристроившись в пыльном луче света, падающем из оконца. Позже чердак забылся, конечно, но вот снова она тут, только уже не с куклами и книгами, а с мыслями тошными, как тягучий ночной морок, не отпускающий свою жертву из цепких скрюченных лапок.

Юля никогда с отцом о смерти не говорила, не заикалась даже. Но он, видно, чувствовал что-то, да и тетка, навещая их ежедневно, так ему и сказала: «Гляди за ней Петя. Не нравится мне девка – все молчит да молчит. Уж лучше бы плакала, волосы рвала от горя, а тут дело плохо, видать, задумала чего. Она у тебя с характером и горда без меры». Потому, наверное, отец аптечку из дома убрал, и лекарства дочери выдавал строго по рецепту. Но все равно в жестяной коробочке с полустертым рисунком и надписью «Чайная компания Сергей Перлов и Ко» с ятями, заваливавшейся в бабушкином сундуке, потихоньку копились таблетки. Каждый день, пересчитывая их, Юля мечтала о дне, когда сможет освободиться от этого ужаса – отвратительной маски, в которую превратилось ее лицо: челюсть с левой стороны, неестественно вогнутая внутрь, перекашивала нижнюю губу, обнажая десну с зубами.

Ни про какую пластическую операцию отец и слышать ничего не хотел. После того как жена умерла от перитонита, врачи для Петра Шадрина стали злейшими врагами. Фельдшера, который маму в больницу вовремя не отправил, чуть не застрелил из табельного – хорошо, соседи того в погребке спрятали.

Юля со вздохом убрала пакетик с таблетками в жестянку, а ее сунула в тайник: квадратное отверстие в балке, прикрытое паклей. Страшилась она принятого решения, но и выхода другого не видела. Уехать бы куда далеко, чтобы никого рядом. Да куда? Везде люди. Разве на остров какой необитаемый. Только как туда попасть? Юля еще посидела, обняв колени руками, уткнувшись в них лбом, оттягивая тот момент, когда надо будет все же идти вниз, собирать на стол, кормить отца ужином, делать вид, что живешь. Она вздохнула.

И так же горько вздохнул внизу Петр Шадрин. Врубил кран на полную мощность, плеснул в лицо ледяной водой, силясь смыть вечную свою усталость и вечную же тревогу за дочь. Утерся хрустящим льняным полотенцем, провел ладонями по некогда смоляным, а ныне припорошенным солью, волосам, огладил усы. Вспомнил, как жена, встречая с работы, разглаживала красную полосу от фуражки тонкими пальчиками. Лиза... жена. Не было дня, чтоб горечь утраты не отдавалась за грудиной тупой болью.

...Он тогда еще в городе работал. И вот как-то, приехав на выходные, застал у матери в горнице девушку, девчонку почти, в сарафанчике, в шлепках на босу ногу. О чем-то они там колдовали, склонившись у стола над какой-то бумажкой. «Ой, Петруша, а я и не слышала, как ты подъехал», – всплеснула мать руками и захолопотала, а бумажку-то спрятала быстренько в фартук. Девчонка на Петра глянула, глазки потупила, пискнула, что-то вроде «здрости» и бочком-бочком к выходу, но на пороге не утерпела, оглянулась, еще раз на Петра глазами зыркнула и нежным румянцем покрылась. Не сдержался Петр, улыбнулся и подмигнул девчонке-то. Как та прыснула, как смехом залилась и порскнула из дверей, как и не было.

– Так это ж Нины сестра, не помнишь, что ль? – ответила мать, на молчаливый вопрос сына.

Петр нахмурился. С Ниной они в школе вместе учились, и даже женихались одно время. Но пока он в армии был, Нина благополучно замуж вышла и уже коляску по улице катала.

– Ну да, подросла деваха, – продолжала мать. – Ты в армию ушел, она еще пешком под стол ходила, а теперь вот уже в техникуме учится на стоматолога, в Новгород ездит на учебно-то. А летом вот дома помогает с огородом, да мне тоже... – тут мать быстро прикрыла рот, испуганно выкатила глаза и побежала картоху на плиту ставить.

Петр усмехнулся про себя, смешными ему материны секреты показались, ну да ладно, пушай уж.

Тайна раскрылась быстро – не успел Петр в воскресенье вечером на трассу выехать – на работу как-никак в понедельник – тут и увидел: стоит на обочине прилавков с разноцветьем фарфора, а рядом девушка в сарафанчике притоптывает крепкими пяточками по пыльной земле. Остановился, из машины вышел, поздоровался. Девушка улыбнулась, взор потупила, щеками алея. Пяти минут хватило Петру, чтоб картину прояснить – девчонка летом на карманные деньги зарабатывает: берет у соседок посуду, которой зарплату выдают и на трассу с ней. «А что, я хорошо продаю. У меня завсегда покупают. Москвичи особенно». Ну, еще бы, как же не купить, когда такая красота дивная тебе кружку протягивает, глазищами наивными доверчиво смотрит и румянцем во все лицо заливается. Пока ехал до Новгорода, из ума не выходили серые глаза, да нежная улыбка.

Свадьбу сыграли через полгода. Поначалу Петр так в городе и работал, правда, уже не в общаге милицейской жил, а из дома ездил на машине. Потом участковым в поселок перевелся – так хотелось ему быть рядом со своими дорогими девчонками. Лиза, жена, после техникума, там же в селе стоматологом работать устроилась.

Петр дом обновил, расширил. Водопровод провел, ванную комнату с туалетом заделал, как в квартире городской. Жили, не тужили, и вот на тебе, несчастья одно за другим: сначала мать умерла, ну, понятно, что не молодая, но жила бы еще и жила, если б здоровье берегла, а она все огород свой обихаживала, да и не огород даже, а плантация – конца и края грядкам не видать. Сколько раз говорил, куда ты насадила опять, что, нас тут десяток живет? Он-то на работе целый день, ну, понятно, в выходные помогал, конечно, а ведь огород дело такое, его каждый день поливать да полоть надо. Так вот и померла на грядке – сердце прихватило. Лиза с работы пришла, увидала платок, белеющий среди густой огуречной листвы, бросилась – да куда там – уже поздно.

Не прошло и трех лет, как с женой беда случилась. Петр врачей винил: проглядели, не рассмотрели. Тогда и заблестело первое серебро на его висках. И хоть мужчина он был видный и для женского населения поселка кусок лакомый, не замечал Петр ни взглядов, ни намеков. Только ради дочери он теперь жил, видя в чертах ее дорогой ему Лизин образ.

Каждый раз, приходя с работы, тихонько поднимался по ступенькам, заглядывал в чердачный лаз, смотрел на сгорбленную в уголке фигурку и так же тихо уходил, сжимая кулаки от полного своего бессилия хоть что-то изменить. И каждый раз при этом вспоминал совет хирурга ехать в клинику в Петербург. Да, дом продать, оплатить операцию... на все он готов, лишь бы дочь была счастлива. Но снова и снова вставало перед ним искаженное в смертной муке лицо жены на больничной койке, сжимая сердце липким холодом страха снова потерять родного человека и поднимая из глубин души такую злобу, что хоть волком вой. И пуще всего ему хотелось убить подонка, который с его дочерью такое сотворил.

Пока Петр возле больничной койки дежурил, родственники Костю в город отправили от греха подальше. Адвокат у Завьялова хваткий оказался, упирал на то, что во всем местная администрация виновата – вовремя дорогу не расчистила. Срок дали условный, да компенсацию пострадавшей в пятьдесят тысяч рублей присудили. Не суд, а цирк. Шадрин на процессе и двух слов не сказал: боялся не справиться с собой, но и прощать не собирался.

Взгляд Шадрина задержался на массивном комоде. Раньше там веером стояли их с Лизой свадебные снимки, но теперь осталась только одна, где он и Геныч в обнимку у БМП улыбаются запыленными лицами. Генка Самойлов, старый армейский кореш, друг, проверенный временем. И хоть не виделись они уже давненько, но каждый раз глядя на фото, вспоминал Петр, что надежда есть, даже когда ее нет.

* * *

Вечером, когда шум на улицах стихал, Юля выходила из дома, гуляла по саду. Особенно хорошо дышалось зимними ночами: подолгу просиживала она на лавочке, любуясь звездным небом, пытаясь забыться хоть на время. Но вот и весна пришла, девчонки давно уже в шортиках и топиках по улицам разгуливают. Хоть и экзамены выпускные на носу, а все до позднего вечера на улице смех, да девичьи визги, когда парни ухватят за бочок или еще за какое нежное место. Из окошка чердачного кусок улицы хорошо просматривался, но Юля в него не смотрела, нет.

Старательно шевеля губами, она пересчитывала таблетки в чайной коробочке. Ровно пятьдесят штук. Вздохнула облегченно – сегодня все закончится, наконец-то. Во дворе что грохнуло, ведро покатилося, голоса раздались. Отцовский и еще чей-то. Юля быстро вернула жестянку на место, в тайник.

– Юля! – позвал снизу отец. – Юль, да пойдй сюда, где ты там?

– Что, пап? – она высунулась в проем чердака.

– Юль, – отец выглядел несколько растеряннo, – тут дело такое... Там парень этот приехал. Костя... Завьялов.

Девичья голова стремительно исчезла в проеме. Послышался шорох соломы и звук удаляющихся шагов. Отец постоял еще немного и, вздохнув, вышел во двор.

– Я говорил, – сказал он, глядя на гостя в упор. – Не выйдет она. Сам, как хочешь, договаривайся, если желание не пропало. – И усмехнулся коротко и жестко.

Костя ничего не ответил, только кивнул. Шадрин скулу потер и показал рукой в сторону дома.

– Там она, на чердаке. Как в сени войдешь, прямо и до конца, там лесенка будет.

Костя скрылся за дверью, а Шадрин тяжело присел на скамейку под окном. Курил одну за одной, давя в груди чувство неясной тревоги, как когда-то в Афганских горах. Долго сидел, уж и солнце стало закатываться. Комары зло гудели вокруг, пытаясь пробиться сквозь дымовую завесу.

Устав от кровопийц отмахиваться, ушел Шадрин в дом. Самовар водой залил, воткнул шнур в розетку. Чашки на стол поставил, сахарницу достал, заглянул в холодильник, нашел баночку с вареньем. Поискал мисочку, варенье выложил. Вспомнил про сушки в буфете. Сел за стол, обхватил кружку темными жилистыми пальцами и стал слушать, как самовар посвистывает, нагреваясь, пыхтит, вот и крышка подпрыгивать начала, парок с шипением вырвался. Шадрин руку протянул, шнур выдернул. Поставил кружку под краник самовара, кипятилок, окутавшись дымком, полился в белое кружечное нутро.

В сенях затопало, Юля дверь открыла, Шадрин в ее лицо глазами впился, кипятком на руку плеснул, чертыхнулся негромко.

– Папа! А про заварку-то забыл?

Юля достала пузатый фарфоровый чайничек, свой, местного производства, синенький с золотом, кипятком обдала, чайного листа насыпала, залила доверху, и сверху на самовар пристроила.

Чай получился наваристый, пахучий. Пили молча, Шадрин сушку в кружке размочил, в рот сунул.

– Ну, что? – решился спросить он, наконец. Голос предательски хрипнул. Петр закашлялся, прочищая горло.

Юля плечами пожала. Варенье на ложечку набрала, в чашку опустила, размешала.

– Да ничего, – ответила. – Поговорили.

И снова тишина воцарилась за столом.

– Пап, он замуж меня зовет, – нарушила Юля молчание.

Шадрин опять прокашлялся, но ничего не сказал. Ждал.

– Что молчишь?

– Я не молчу. Я думаю.

– И что думаешь?

– Что думаю, то неважно. Тебе решать. А я решу, как ты скажешь.

– Вот тебе раз! – Юля руками всплеснула. – Кого же мне еще слушать? У кого совета спросить?

– Совета хочешь? Ну, слушай. Парень этот, может, и не любит тебя, но раз вину свою признал, да в благородство играть удумал, то грех отказываться. – Тебе же он нравился? Или нет?

Юля голову склонила. Вот как приходится судьбу свою выбирать. Тут, как в сказке – налево пойдешь, коня потеряешь, направо – еще чего лишишься, прямо пойдешь – тоже что-то найдешь или потеряешь. Как тут выбрать?

...Долго они с Костей разговоры вели. Сначала она в углу сидела, все лицо прятала, потом разозлилась. Вышла на свет.

– Ну что? Нравится? – спросила. – Хороша?

– Юль, я же не виноват, – прошептал Костя.

– Не виноват? – вскипела она.

– Виноват, – согласился Костя. – Не виноват, что мне повезло: ничего не сломал, не убился, не покалечился. Если бы я умер, тебе сейчас легче было? Ты вот говоришь, что я сбежал, и год вестей не подавал. Ну, да! Струсил. Что мне, теперь убиться об стену? Я же приехал. К тебе. Год о тебе думал. По ночам не сплю. Мать извелась, все врачей каких-то ко мне водит. В общем, понял, надо мне с тобой увидеться. Я ведь тебя с нашей первой встречи забыть не могу. И в Англии все о тебе думал. Короче, люблю я тебя. Мне все равно, как ты сейчас выглядишь. У мамы куча врачей знакомых, что-нибудь придумаем. Поженимся. Я работать пойду. Уж на операцию-то заработаю. Ты только не отвечай сразу. Ты подумай.

Костя ушел, сказав, что завтра зайдет за ответом.

Петр выслушал, задумался. А Юля сидела, чай с ложечки прихлебывала и ногой под столом болтала, совсем как раньше, до того как...

– Пап, я завтра решила к тете Нине в гости съездить. Отвезешь меня? А лучше сегодня.

Петр аж глаза вытаращил. Нина, родная сестра покойной жены, давно Юлю в гости зазывала, да не вытащить ту с чердака было. А тут сама просится? Нина в соседней деревне жила, лес рядом, прямо за оградой. Хочешь, грибы собирай, хочешь, ягоды. А в мае, так, вообще, все поляны цветами усыпаны. Юлечка маленькая до того это любила, всегда к тете в гости с удовольствием ездила. Да и та ей радовалась, словно родной дочери. У самой Нины двое пацанов росли, один уж в армию ушел, второй вот-вот жениться должен был. А Нина все шутила, что с радостью бы своих оболтусов на одну доченьку променяла, такую как Юля.

– А что парню сказать, ежели завтра придет? – спросил он.

– Да ничего, – пожала дочь плечами, – захочет – подождет. А нет... так и не надо.

Шадрин скривился как от зубной боли. Вот ведь упрямая ослица! Он так надеялся, так радовался... а она все планы ему рушит...

Юля скоренько вещи собрала и в машину запрыгнула. Все она понимала, и что шанс это ее, может, единственный и все остальное. Не было дня в течение года, чтобы она Костю не вспоминала. Все ей мнилось – вот-вот приедет, должен приехать. Хоть и страшилась этого – увидит ее, испугается, наверное. Но шло время, Костя не появлялся, и тогда в душе родилась горечь, потом злость, а там и обида пришла – жгучая, коварная, едкая. И плакала она ночами не столько от безысходности своего нынешнего существования, сколько от обиды этой, от несправедливости. И вот Костя приехал, и сказал то, что она всегда в мечтах представляла, а она совсем ничего не чувствует, кроме обиды своей ненасытной.

Слишком поздно он приехал, нет в ней тех чувств, что горели когда-то, все сожрала обида проклятая. Поверить? Сказать «да»? Но что-то мешало ей покориться судьбе, что-то ворочалось и вставало на дыбки внутри естества. Гордость или, может, глупость девичья? Вот тетя сразу бы определила – недаром она всегда Петру говаривала: «Хорошая у тебя девка, Петр, да уж больно горда. Боюсь, вековухой останется – по ее гордыне кавалера не сыскать».

Может, отец тете позвонил, рассказал, а может, и сама она догадалась, что с племянницей что-то не то творится, но усадила она ее рядышком, штофчик вина выставила.

– Ты, девка, учудить чего задумала, смотрю. Так себя не жалеешь, отца хоть пожалей, – сказала. – Он же нестарый еще мужик, а ты его раньше времени в гроб загонишь. Посмотри, на кого похож стал? Щеки ввалились, высох весь. На вот, выпей, да подумай. Хорошо подумай.

Юля выпила кислое пойло, крепко зажмурилась и заревела.

– Ну, вот и хорошо, – Нина погладила ее по голове, как маленькую. Как мама когда-то. – Поплачь, поплачь. Женская доля, она такая – живешь и плачешь. Плачешь, но живешь.

А вечером Костя приехал. Юля чему-то про себя улыбнулась и повела его с тетей знакомить.

Расписались они в районном загсе. Петр договорился, и их без очереди, в обеденный перерыв, быстренько оформили. Через два дня Петр молодоженов на своей машине в Петербург отвез. Три часа, что в дороге были, Петр все вздыхал про себя, не зная, правильно поступил, нет ли. Но теперь что переживать, все уже решилось, а там, как бог даст.

Глава 3. Перемена слагаемых

Несколько месяцев после приезда они с Костей жили вместе с его родителями, пока квартиру не сняли. Людмила Ивановна в институте Культуры преподавала библиотечное дело, Борис Андреевич работал в районной администрации в отделе соцобеспечения. Люди спокойные, интеллигентные, но Юля все равно робела перед ними, все ей казалось, что новые родственники ее со всех сторон рассматривают придирчиво: как ведет себя, как вилку с ножом держит, как и что говорит.

Окна трехкомнатной квартиры выходили на проспект, за которым зеленел клумбами сквер с гранитным памятником на постаменте. Юля первое время всему удивлялась: высоким потолкам, мебели с завитушками, сервизам и хрусталию за стеклянными дверцами буфета, тяжелым шторам с ламбрекенами. (Да нет, у них в поселке и побогаче люди живут, вон Маканин такой дом отстроил, дворец, а не дом). Но от штор по квартире летала пыль, забиваясь в резные завитки, оседая на дубовом паркете, и Юля периодически чихала и терла глаза. Правда, когда попыталась уборкой заняться, так чуть бедную свекровь до инфаркта не довела, та почему-то решила, что Юля непременно весь ее богемский хрусталь перебьет.

А вот с обедами угодила. Свекор, бледный, с темными кругами под глазами, наворачивал борщ за милую душу, да и от блинов оба не отказывались. Борис Андреевич порозовел, принялся шутить, Юлю дочкой пару раз назвал. Да и свекровь потихоньку тоже отмякла, даже разрешила ей семейной библиотекой пользоваться. Огромный шкаф в гостиной стоял до потолка набитый книгами. У Юли аж глаза разбежались от такого великолепия. Читать она любила с детства, а теперь и подавно уходила в эти истории, как в спасительную гавань забытья.

Ей почему-то казалось, что с переездом жизнь ее в одночасье поменяется. Но чуда не случилось. По-прежнему она сидела дома, лишний раз стараясь не выходить на люди. По-прежнему одна. Костя днями на работе, а вечером или в сети зависает или в игрушки рубится. От перемены слагаемых сумма-то не меняется, грустно констатировала она нехитрую истину. Не сразу, постепенно, она многое поняла в своем муже – Костя вовсе не рыцарь на белом коне, скорее, маменькин сынок: избалованный, капризный и самолюбивый. Поняла и приняла. У других мужья не в пример хуже, а Костя и не пьет и с ней всегда вежлив, но как-то слегка сдержан, как будто стесняется. Иногда Юля думала, что не надо было ей соглашаться. Надежда поманила и обманула – подсунула вместо себя пустышку в красивой обертке.

* * *

Чуткое ухо уловило пиканье сигнализации под окном, и Юля быстро зажгла конфорку под чайником. Костя обычно с работы приходил уставший и голодный после дня беготни и с порога требовал кофе, а уж суп и прочее потом.

Костя бросил портфель под вешалку, скинул ботинки, взял протянутую кружку с растворимым кофе.

– Ужинать не буду, – сказал, и, видя Юлино удивление, пояснил: – В ресторане поел. Встретил сегодня старого приятеля. Смотрю, сидит такой, роллы уплетает. Ты не представляешь, какой огромный стал! Он и в детстве-то был не худенький, а сейчас так, вообще еле за столом уместается. У него, оказывается, фирма своя, инвестиции и прочее.

Юля уловила в голосе мужа легкое разочарование или даже зависть. Понятно, что Косте с его юридическим образованием несладко работать простым агентом по недвижимости. Да, он там зарабатывает, иногда очень даже неплохо, но крайне нерегулярно. И она чувствовала, что амбиции его гораздо выше. А что делать? Как выяснилось, молодых юристов без опыта

работы в городе пруд пруди. А зарплаты уж настолько смешные предлагают – не то что жилье не снимешь, но и зубы на полку положишь.

Костя прошел в ванную, включил воду. Посмотрел на свое отражение в зеркале. Немного устал, под глазами тени залегли. Он вздохнул и потер руками лицо. Недосып за неделю давал себя знать. Работа агента по недвижимости она такая – сколько потопаешь, столько и полопаешь! В принципе, не так уж и плохо – относительно свободный график, да и денег заработать можно. Не то, что помощником юриста на таком смешном окладе, что он ушам не поверил, когда после окончания юрфака на собеседование пришел. И так везде. «А что вы хотели, молодой человек? – удивленно сказала ему одна дама из адвокатской конторы. – Вы думаете, вы юрист? Вы никто. Пока. Поработайте, покажите себя. Там посмотрим». Но он не хотел смотреть, он хотел всего и сразу. Но, увы...

Мать все переживала, что он не по специальности работает. Костя постоянно удивлялся своим предкам – вроде неглупые люди, а иногда, как скажут что-то – хоть стой, хоть падай.

Ну, мама, понятно, со своим библиотечным делом совсем от жизни оторвалась, а вот отец и при генсеках, и при президентах разные должности в сфере образования и культуры занимал. Уж он-то, кажется, должен был понимать современные реалии. Правда, в середине девяностых, когда тамошнего мэра от власти отстранили, у отца дела тоже под гору покатались. Сейчас он работал начальником отдела соцобеспечения в районной администрации. Не сильно большая должность, но мог бы пристроить его куда-нибудь в хорошее место, мог. Но после той аварии у Кости с родителями совсем не заладилось. Никак они не могли успокоиться, особенно мать. А после женитьбы и вовсе дотаций лишили, и, вообще, всякой помощи, только мозги по-прежнему выедали. Пришлось самому устраиваться и ничего, не пропал. Да и жизнь вдали от родителей оказалась на порядок приятней.

Костя втянул носом дразнящий запах сдобы из кухни. Может, все-таки съесть пару пирожков? Или нет? Он поскреб подбородок, взъерошил густые волосы. Еще со школы он привык, что за внешность ему прощается многое. Вот и сейчас директриса агентства, даром, что тетка в возрасте, а Косте явно благоволит, заказы повыгоднее подкидывает. Он расправил плечи, втянул чуть наметившееся брюшко. Нет, надо завязывать с пирогами, а то станет, как Игорюха. Надо же было вот так лоб в лоб встретиться!

...Игорь Костю узнал и кивнул, поздоровался, мол. Костя даже опешил, менее всего он ожидал встретить этого человека в такой обстановке, да и еще и в таком виде: дорогой костюм, галстук «Armani», на руке матово посверкивают швейцарские часы. Костя даже моргнул, проверяя, не показалось ли, но нет — «Patek Philippe» – точно. Поверить невозможно, что это тот самый Игорь, сын дворничихи, который всю жизнь за братом одежду донашивал. Игорь старше Кости года на три был и вскоре совсем из его поля зрения выпал.

Игорь на Костю еще раз внимательно глянул и еще раз головой кивнул, типа пригласил за свой столик. Ну, как водится, вспомнили детские годы чудесные, то есть Костя вспоминал, а Игорь кивал и хмыкал, видно было, что судьба бывших друзей его не слишком заботила. Да и Костю, кстати, тоже. Больше всего интересовали его часы Игоря – оригинал или все же подделка? Вопрос о работе Костю смутил, но он тут же с жаром принялся рассказывать про свое агентство, про последнюю сделку. Игорь слушал, не перебивая, хотя по выражению его лица можно было догадаться, что все эти Костины достижения для него ноль без палочки. И Костя ступешался, замялся, и чтобы, как-то выйти из положения свернул на тему женщин:

– Про Светку ничего не знаешь? – спросил, и глаза его на секунду приняли мечтательное выражение. В Светку Захарову когда-то был влюблен весь двор, чего греха таить. Она как-то быстро выскочила замуж за какого-то крутого бизнесмена и больше Костя ее не видел.

Игорь неопределенно качнул головой. Со Светкой у него были связаны не самые лучшие воспоминания. Когда-то он, по наивности, думал, что сможет доказать ей, что он-то и есть парень ее мечты. В ответ Светка, усмехнувшись, пояснила, что парень ее мечты ходит в костюме от «Версаче» и ездит на «Феррари», а Игорь в своем в китайском ширпотребе может идти лесом.

Захарову он встретил в дорогом спа-салоне, куда ходил на массаж. Она мало изменилась – все также сияла красотой. С ходу определив нынешнее положение бывшего поклонника (Игорь заметил быстрый оценивающий взгляд, которым она окинула его от галстука до ботинок), Светка ринулась в атаку. Игорь усмехнулся и пригласил девушку в ресторан. Через два часа он уже знал все подробности её нехитрой жизни. С грустной улыбкой она поведала, что с мужем развелась по причине измены. Его, конечно. Дети остались с мужем. «Все-таки Европа. Там возможностей больше, – она вытерла уголок глаза от навернувшейся слезы, – а я вернулась домой. Не смогла на чужбине».

Игорь с пониманием кивал, про себя усмехаясь. Отбросив все ее придумки, получалось, что Светка вышла замуж за какого-то предпринимателя, потом бросила его ради партнера мужа по бизнесу, очень состоятельного финна. Тот потребовал в качестве доказательства бескорыстной любви ребенка. Она родила даже двух и все бы хорошо, да вот жизнь степенной мамы-домохозяйки не сочеталась с ее темпераментом. При разводе муж отобрал у Светки детей, да и денег дал совсем чуть-чуть. Пришлось устраиваться на работу, а с ее знанием языка, да еще и без профессии, брали только в службу. Помыкавшись так с год, вернулась Светлана домой, с недавних пор тут, в салоне, администратором работает.

Игорь с ней даже переспал. Так просто, чтобы галочку поставить – хотел Светку – полюбите, распишитесь. Был у него такой список желаний. Неосуществленных желаний. Когда-то он много чего хотел, но не мог позволить: модных шмоток, ночных клубов, ресторанов, курортов и прочих радостей жизни. Много чего не мог. Теперь вот список почти опустел, но появился новый – список достижений.

После института он два года отработал в банке, карьеры не сделал, да и не планировал. Просто посмотрел на эту кухню изнутри, понял, что к чему, с нужными людьми познакомился. Ему было двадцать четыре, когда он зарегистрировал фирму, небольшое консалтинговое агентство. Давал консультации по выгодным вложениям, ценным бумагам. Потихоньку оброс постоянной клиентурой, вскоре нанял сотрудника в помощь, потом еще одного. Тогда, в начале двухтысячных, жизнь в стране стабилизировалась, люди прирастали доходами, модное словечко «инвестиции» вошло в обиход, многие хотели денежки свои не только сохранить, но и выгодно в рост пустить. Деньги, можно сказать, сами просились в руки, и Игорь открыл инвестиционную компанию. И вот сейчас он крепко стоял на ногах, бизнес успешно развивался и даже требовал расширения.

Костя слушал неторопливый рассказ бывшего друга детства и испытывал странные чувства. Не то зависть, не то восхищение, не то раздражение. Игорь с его заплывшими глазами, двойным подбородком, мощными плечами под дорогим английским пиджаком нависал над плошкой мисо-супа, словно гора Фудзи. Официантка, молоденькая, хорошенькая, ела его глазами и чуть ли не приседала от подобострастия. Видно было, что Игорь здесь давний и любимый клиент. Костя в таком ресторане обедать каждый день не мог себе позволить, хоть и назначал здесь встречи клиентам, пыль в глаза попускать. Когда-то он был уверен, что скоро весь мир будет у его ног, а теперь вот сидит и мучительно решает попроситься к Игорю на работу или не рисковать остатками самоуважения? Но разговор как-то сам вывернул на нужную тему и Игорь, как бы между прочим, пригласил его в офис прийти, посмотреть.

Костя вытащил из кармана пиджака белую с золотым тиснением карточку: инвестиционная компания «ВеллИнвест», генеральный директор... Обвел глазами неприятительную

обстановку съемной однушки. Ну, как вот получается, что люди, в школе ничем не примечательные, наверх выбились, а кто ярко горел, на виду мелькал, так и не смогли в дальнейшем реализоваться? Вот он, Костя, учился на «отлично», первым на всех мероприятиях был, девчонки на него заглядывались. Думал, и в жизни все так же замечательно будет. Почему не сложилось? Может, потому, что не было в нем куража, склонности к риску?

Несколько лет назад предложили ему поучаствовать в одном проекте, и он тогда осторожность проявил, а на самом деле испугался: неизвестно: пойдет, не пойдет. Потом еще радовался своей дальновидности, когда проект почти затух. Правда, недавно узнал, что все же дело потихоньку движется и неплохо. Досаду не испытал, но что-то все равно кольнуло. И вот опять ему шанс выпадает, неужели он снова отступит? Ну, уж нет! Чем он хуже этого Вележева? Да ничем!

Юля домыла посуду и тихонько приткнулась у окна с книжкой. Вот уже второй год она в Петербурге живет, а по-прежнему затворницей. И хоть нет у нее здесь знакомых из старой жизни, никто не помнит ее до аварии, но все ей казалось, что людей уродство ее отпугивает. Про пластическую операцию она все время думала, по сайтам разных клиник лазила, на форумах с народом общалась. Цены на операцию, конечно, ужасали. О том, чтобы накопить такую сумму, и речи не шло. И так им с деньгами нелегко приходилось – квартира съемная, кредит на машину (Косте при его работе без колес никак нельзя) – тут не до пластики.

Да, она сходила на консультацию в одну из клиник. Хирург посмотрел снимки, лицо пощупал. И не взялся: слишком давняя травма, надо было сразу после аварии меры принимать. А сейчас уже все срослось, да нерв лицевой, не дай бог, заденешь, слишком опасно. Правда, отправил еще к одному специалисту, но тот тоже ничего хорошего не сказал, посоветовал искать зарубежную клинику. Юля тогда от врача, как убитая вышла. Ну, какая граница? Откуда деньги такие взять? Костя работал почти сутками в этом своем агентстве по недвижимости, но все уходило на оплату жилья, да на кредит. Папа, конечно, помогал деньгами, но это так, капля в море.

Юля посмотрела вниз на тускло блестящую под фонарями «Хонду». Опять Костя перекрыл выезд соседским «Жигулям». Ладно, она все равно в супермаркет собиралась. Ночью машина принадлежала ей. С правами папа помог, а водить она еще с четырнадцати лет умела. Иногда она просто каталась по городу, изучая его, любясь парками, дворцами, мостами. Машина давала ей чувство свободы и невидимости. Ей нравилась ночная быстрая езда, когда в мельтешении витрин, фонарей, все сливалось в одну сплошную неоновую полосу. Иногда она прикидывала стоимость автомобиля, да еще с учетом процентов банку и вздыхала от сознания собственного бессилия. Как можно изменить свою участь? Вот пишут все психологи – судьба человека в его воле – как захочешь, так и будет. Бред! Как быть, если ты уродина, и денег у тебя, чтобы это изменить, нет, и никогда не будет? Юля отвернулась от окна. Нельзя поддаваться таким мыслям. Нужно делать, что должно и надеяться на лучшее, как папа говорит: «Все утрясется, доча, все устроится, надо потерпеть». Эх, не понять ему, как тяжело терпеть, особенно когда не знаешь, сколько терпеть и каков конечный результат.

* * *

Через неделю Костя все же решился на визит к Вележеву. Игорь представил его своему заму Бурцеву, тот провел по офису, рассказал, чем сотрудники занимаются. Зам ему не понравился: цепкий взгляд, хитрый прищур, казалось, так и сканирует тебя от макушки до пяток. Зато сама контора впечатлила. Здесь явственно пахло деньгами. Причем ощутимо. Костя, ни в какие такие вещи экстрасенсорные никогда не веривший, прямо-таки увидел денежный поток,

люющийся на него сверху. Он тут же поехал в свое агентство и написал заявление об увольнении.

Долго не решался рассказать родителям, но все же не утерпел, похвастался.

– Не знаю, не знаю, – сказала мать, поджав губы, – Вележев этот совсем не твоего поля ягода. И, вообще, семья эта не нашего круга.

Уж на что Костя матери никогда не перечил, а тут не выдержал, высказался:

– Нашего круга, не нашего круга... Зато он на «Ауди» за тридцать тысяч евро ездит, и в отпуск то в Таиланд, то в Дубаи, а вам Египет в сезон скидок уже за счастье!

На что мать побагровела и запричитала:

– Мы с отцом всю жизнь честно работаем, ни копейки чужой не взяли. Мы и тебя так воспитывали, откуда у тебя эта страсть к деньгам, к легким заработкам?

Костя рукой махнул. Родители по умолчанию всех бизнесменов записывали жуликами и бандитами, и переубедить их было невозможно. «Все большие состояния заработаны нечестным путем», – это папино любимое выражение Костя слышал миллион, нет, три миллиона раз. Он-то давно понял, что, работая пять дней в неделю по восемь часов, богатым не станешь. Для его родителей все было просто: учись, получи образование и будет тебе счастье. Ну, и где? Как будто не знают, что в наши дни, чтобы добиться чего-то, надо иметь связи. В хорошие места берут только по знакомству. Чтоб и зарплата, и условия. Костя видел, что между ним и родителями не пропасть даже – бездна. Может, дело в том, что он поздний у них, может, еще в чем. Но понимания с каждым днем становилось все меньше и меньше, а претензий все больше. И даже то, что он теперь живет своей семьей, не спасало. Вечный вынос мозга мать спокойно могла устроить и по телефону.

Иногда он с тоской вспоминал два месяца, проведенные в Англии. Ведь как он был счастлив тогда, чувствовал себя там на своем месте: вот так он бы хотел жить – в стране, где все логично и упорядочено. Пусть некоторые говорят, что, мол, тупые они все. Костя был уверен, что все эти разговоры от собственной неполноценности, не пускают этих болтунов ни в какие заграницы, вот они и пытаются таким способом свой статус поднять. Не верил он рассказам о тоске по родине и прочие бредни. Он бы не тосковал и в местную тусовку вписался бы на раз: с языком у него всегда порядок был. Все ведь должно было быть не так, это не его жизнь, а чья не понятно. Все из-за этой аварии, и зачем он этот мотоцикл купил? Лучше бы он деньги на что-то другое потратил, и все было бы иначе возможно. Он ведь хотел... чего же он хотел? Сейчас уже не помнил, но тогда просто увидел это чудо четырехцилиндровое и не смог устоять: как представил, что он на нем по улице мчится, и все вслед оборачиваются и завидуют. Выпендриться захотелось, вот и довыпендривался. Но ничего, кажется, черная полоса в его жизни закончилась, теперь все будет по-другому.

Юля за Костю рада была, он заметно повеселел, взбодрился. А вот она все не могла себе места найти.

– Тебе, может, поучиться пойти куда? – предлагал Костя. – Вон хоть в мамин институт. У тебя же и медаль золотая. А что, библиотекарь нормальная работа...

Юля кивала, договаривая про себя: «Нормальная. Как раз для уродины. Кто там смотрит на тех, кто им книжки выдает?» Может, конечно, и не думал он так, но ей все казалось, что думал. Она и сама понимала, что Костя ее стесняется, должен, по крайней мере. Они редко куда выходили вдвоем: Костя не звал, а она не настаивала. Вот в кино пару раз были. Ей понравилось: уютный зал, мягкие сиденья, густой запах попкорна, можно на час с небольшим забыть, кто ты и как живешь. Иллюзии.

Глава 4. Обрести и потерять

На прием в женскую консультацию Юля шла, как всегда сутулясь, прячась за волосами, а из кабинета вышла совсем другим человеком. Глаза мечтательные, голова высоко поднята, так и шла домой, ничего не видя, не слыша, все слова врача вспоминая: «Вот и молодец, что сразу пришла, а то некоторые дотянут до последнего, а потом «Караул!» кричат. И правильно, что не работаешь – нечего с пузом в метро толкаться. А мы с тобой все правильно делать будем, и ребеночка здоровенького родим и в срок. Лады?» Хорошая докторица оказалась, хоть сидя в очереди наслушалась Юля про нее всякого и в кабинет входила с дрожью в коленках. Медсестра в ее сторону откровенно глазела, любопытства не скрывая.

Как врач и обещала, Ванька родился в срок и здоровый. Копия бабушки – и глазки под насупленными бровками и крепко сжатые губки и та же молчаливая сосредоточенность во время еды. А уж как папа внуку радовался, и не передать. Хотя в последнее время какой-то он невеселый был. Поперечная складка еще сильнее обозначилась на лбу, под глазами тени залегли.

– Ничо, доча, – отмахивался он, – это все работа. Работы много, а людей мало, – отшучивался он, – я за всех: и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Сын стал отдушиной и спасением, вечные хлопоты почти не оставляли времени для других мыслей. Юля нарадоваться не могла, какой смысленный ребенок у нее растет. «Наша порода, Шадринская, – уверял отец, – ее никакими хилыми интеллигентами не испортишь!» – кидал он камень в Костиных родителей.

В начале сентября за неделю до Ваниного четвертого дня рождения папа приехал внезапно. Хотя всегда обычно предупреждал о визите заранее. Обнял дочь, подкинул Ваню к потолку, сел за стол на крохотной кухне, сделал пару глотков из кружки с горячим чаем, а потом выложил из тертой дерматиновой рабочей папки прозрачный файл с документами и связку ключей.

– Вот, доча, квартира вам, – тихо сказал Петр. – Уж не обессудьте, ежели не угодил, но жить с мальцом по чужим углам не дело.

– Квартира? – не поняла Юля. – Откуда? Ты купил ее? – Взяв в руки документы, стала вчитываться в текст.

Шадрин промолчал и только лоб потер.

– Это ж сколько денег! Папа, откуда? Как ты смог? – у нее аж в глазах потемнело.

– Это доча, не твоя забота, не дороже денег, – Петр прошелся по крохотной комнатке. Он знал, что покупка вызовет вопросы, потому и сделал все сам, не спрашивая дочь с зятем ни о чем. Купил и купил. А дареному коню в зубы не смотрят.

– Не дороже денег? – еле слышно прошептала Юля. – А я тебе не дороже? Я как жить должна? Вот с таким лицом? Мы на операцию накопить не можем – все на аренду, да на кредит уходит. А ты квартиру купил... Толку мне с нее! Какая разница, где от людей прятаться – здесь или еще где!

Петр отвернулся, закусив губу. Опять она про операцию, он-то думал, прошло уже все. Ну, что еще девке надо? Муж есть, сын, квартира – живи и радуйся! А она...

– Опять ты за свое! – не выдержал он. – Хочешь под нож? На кладбище не терпится? Сына сиротой оставить? Дура девка!

– Папа! – из глаз у нее брызнули слезы. – Лучше на кладбище, чем с такой рожей людей пугать!

– Ну, как знаешь! – Петр в сердцах стукнул ладонью по столу. – А я тебе все сказал. Ключи на столе. Живите. Или не живите. А я поехал.

Дверь хлопнула, и Юля прижала руки к горлу. Жалко папу до слез и себя жалко и Ваньку. Через минут пятнадцать дверь хлопнула еще раз, это Костя пришел с работы.

– Ничего себе! – сказал он, просмотрев документы. – Вот так сюрприз! И что ты горюешь?

Она только рукой махнула, оглядела убогую обстановку: диван с лоснящейся обивкой, игрушки, громоздящиеся на полу, стол, заваленный бельем, ожидающим глажки, ноутбук, при-
ткнувшийся на подоконнике. Да, тесно. И дорого. И, наверное, папа прав. Но, боже мой, как она несчастна! Неужели не сможет она никогда сама распоряжаться своей жизнью?

Переехали быстро, благо вещей-то немного. Ну а там новые заботы: мебель, ремонт, всякие мелочи бытовые. Хоть и хлопотно, а приятно: все же свое, родное. С папой она помирилась, конечно, но червячок обиды остался, свернулся клубочком и периодически кусал ее истонченную израненную душу.

* * *

Через три месяца, как в новую квартиру переехали, из поселка позвонила тетя Нина. И по голосу ее, глухому и напряженному, поняла Юля, что вот оно – непоправимое и страшное, что уже один раз в жизнь ее пришло со смертью мамы, потом с аварией этой – никуда не делось, так и ждало, чем бы еще ее добить. Она слушала и не понимала слов. Папа погиб. Ушел на зайца и не вернулся. Искали его пару дней, и нашли тело с огнестрелом в груди. Юля слушала рыдания тети в трубке, а сама медленно оседала на пол. Как погиб? Кто? Папа? Не может быть!

Она долго билась в истерике, пока не вспомнила про Ваню. Малыш сидел за диваном и с испугом смотрел на нее огромными серыми глазами. Юля прижала его к себе и прикусила губу, чтобы не завывать в голос.

На похороны Юля ехала одна, Костя в командировку какую-то очередную отправился, не смог отказаться, а Ваню Юля со свекровью оставила, не хотела, чтобы он мертвого дедушку видел.

Много на похоронах болтали о странной гибели участкового. И причина смерти – неосторожное обращение с оружием – тоже странная: Шадрин – опытный охотник, не мог он чистить ружье и не разрядить его. Но дело закрыли и все. Народ поболтал и разошелся.

Там же выяснилось, что дом папа оставил по завещанию сестре жены. Юля решению такому не удивилась: у тети Нины двое сыновей, оба женились к тому времени, так что дом Шадринных им, и правда, пригодился. А Юле зачем дом в Новгородской? Вряд ли она там жить будет: в лучшем случае только на лето приезжать. А дом дело такое – ему уход постоянный нужен.

Костя плечами пожал, но высказался в том духе, что лишних денег не бывает, продали бы, вот тебе и нужная сумма на операцию. Юля тогда впервые не сдержалась, вспылила – и так папа им квартиру купил, мало ему, что ли? Костя тоже вспылil, потом, конечно, помирились, но все стало как-то зыбко в Юлиной жизни. Будто рухнула стена, за которой она укрывалась от непогоды и где всегда тепло и сытно. А теперь и поехать некуда, даже просто на выходные из города выбраться, отвлечься, и Ванечке там хорошо было – свежий воздух, молоко парное, летом ягоды, осенью яблоки свои, душистые.

Нина, конечно, сказала: «Ты к нам приезжай почаще, ты ж моя девочка». Юля головой покивала, но поняла, что приехать в свой дом, где теперь другие люди живут, пусть даже и родственники, не сможет. Когда-нибудь потом, наверное, но сейчас – нет.

Но и совсем без наследства папа Юлю не оставил – машина, не новый, но еще крепкий «Опель», досталась ей, да счет в Сбербанке на триста тысяч рублей. Юля и за это была благодарна – она все еще мечтала накопить на операцию.

* * *

Зима выдалась мягкой, а в феврале, как водится, замело, заснежило и вдруг резко распогодилось. Март принял солнечную эстафету, с каждым днем приближая начало настоящей, некалендарной весны. Ошалевшие от радости воробьи заглушали ором уличный шум. Юля распахнула балконную дверь проветрить квартиру, озноб проворно взбежал по ее плечам, шее, скользнул по лопаткам вниз до самого копчика. Она если и спорила с мужем, то единственно из-за наглухо задраенных форточек. Тот мерз даже летом, по ночам зарываясь в одеяло по самую макушку. Юля всегда спала под тоненьким байковым покрывалом. Костя еще в среду уехал в командировку, сказал, в Москву. Юля, как всегда, молча позавидовала.

Конечно, ей никто не мешал выходить из дома, или поехать куда-нибудь, но она не хотела. Да, ей доводилось общаться с мамочками на детской площадке. Им, одуревшим от скуки, было все равно, с кем и о чем болтать, но этим все и ограничивалось, а на более близкое знакомство Юля и сама не напрашивалась. Если бы не семья, совсем пропасть. Юля посмотрела на фото за стеклянной дверцей книжного шкафа – Ванька, еще безволосый, улыбка во весь беззубый рот, ушки лопухие торчат. Давно ли грудничком был, а вот уже и четыре, через полгода пять исполнится.

Юля привычно расставляла по местам разбросанные игрушки, протирала пыль, когда звонок мобильного оторвал ее от уборки, и мужской голос спросил к телефону Костю.

– Кости нет дома, – удивилась она в трубку, – будет в понедельник. Позвоните ему самому на мобильный... – телефон отозвался короткими гудками.

Юля посмотрела на дисплей. Номер ей незнаком. Кто-то с работы, наверное. Костя уже пять лет трудился в этой своей странной конторе, постоянно сыпал новыми словечками: коти-ровки, фьючерсы, опционы. Она потом сама в интернете смотрела значение. Иногда вопросы мужу задавала, тот отмахивался, уверяя, мол, это не для слабых умов, но потом не выдерживал и принимался рассказывать про какие-то интервенции, дивергенции, даже схемы рисовал. Так что суть его работы она более или менее понимала, но удивлялась, как можно этим так сильно увлечься. Скучно же.

Через какое-то время телефон опять разразился гулкой трелью.

– Костя в командировке, – снова ответила она на вопрос о Косте.

– Я знаю, – у звонившего был густой бархатный голос. – Мне бы документы ему завезти, мы договаривались.

– Конечно, – любезно согласилась она, – привозите.

Через полчаса раздался звонок домофона. Юля открыла дверь. В прихожую вошел мужчина, а следом за ним еще трое. Она удивленно промолчала, хотя понимала, что есть что-то неправильное в том, как деловито они оттеснили ее от двери и по-хозяйски прошли в комнату.

– А вы кто? – спросила она, растерянно оглядывая непрошенных гостей.

– Я звонил, – сказал обладатель бархатного голоса. – Я ищу Константина Завьялова.

– Он в командировке, – Юля поднесла к горлу внезапно оледеневшие руки.

Мужчина прикрыл глаза и покачал головой.

– Ни в какую командировку его не отправляли. Завьялов просил несколько дней выходных по семейным обстоятельствам.

– Как не отправляли? – мысли ее понеслись с быстротой. Куда же он тогда поехал? Почему его ищут? – Вы кто? – спросила она снова.

– Бурцев Алексей Дмитриевич, заместитель директора компании «ВеллИнвест», – мужчина протянул визитку. – Вы уверены, что не знаете, где ваш муж?

– Костя уехал в Москву. Вот смотрите, он звонил. Вчера звонил. Я же говорю, он в командировке, его ваш директор и отправил. Вележев. Спросите у него...

– Неужели вы думаете, что я здесь сам по себе? – криво усмехнулся Бурцев. – Именно Игорь Владимирович и попросил выяснить, где сейчас находится его сотрудник, который на работе третий день не появляется и почему на счету фирмы недостача. Деньги как раз были в управлении Завьялова. И немалые.

Юля беззвучно ахнула.

– Сколько? – спросила она.

– Пятьсот, – кратко ответил Бурцев.

– Чего пятьсот? – не поняла она.

– Пятьсот тысяч, – холодно пояснил он и добавил: – Не рублей, конечно. За рубли я не стал бы беспокоить раньше понедельника. Позвольте-ка телефон.

Юля безропотно протянула ему трубку.

Потом она неподвижно сидела на диване в гостиной, пока чужие люди осматривали ее, еще несколько минут назад такую уютную и казавшуюся безопасной, квартиру. Нет, они не выворачивали вещи из шкафов, не кидали книги на пол, но досмотр производили тщательно и четко. Вскоре на столе лежали паспорт, свидетельство о рождении Вани, свидетельство о браке, документы на квартиру и машину, даже сберкнижка, на которой лежали деньги, доставшиеся от отца.

– Ситуация следующая, – сказал Бурцев, откладывая в сторону старый ежедневник, найденный в письменном столе, – весьма возможно, что это всего лишь недоразумение, которое в понедельник выяснится. Я очень на это надеюсь. Если ваш муж позвонит, в ваших интересах убедить его вернуться как можно скорее.

– Почему вы не думаете, что с ним что-то случилось? – глухо спросила Юля, в голове у которой билась одна мысль: «С Костей беда. С ним что-то произошло, может, даже самое страшное...»

– Я не верю в совпадения, – резко сказал Бурцев. – Когда одновременно пропадает человек, и деньги, за которые он отвечает, я знаю, что это неслучайно. Поверьте моему опыту. Вот документы, – подписывайте. – Он выложил перед ней стопку листов.

– Что это? – мелкие буквы двоились перед глазами. – Генеральная доверенность? Вы хотите квартиру забрать? – пролепетала растерявшаяся Юля. – А где же я жить буду? Мне куда, на улицу?

– По сути – это не мои проблемы, – сказал Бурцев. – Давай подписывай и благодари бога, что большего с тебя не требуют. А то знаешь, как можно долги всю жизнь отдавать?

– Как? – спросила она, до конца еще не веря в происходящее.

– Да так, – усмехнулся Бурцев. – Игорь Владимирович тебя еще пожалел, и так убогая, что с тебя взять? Разве что на внутренние органы разобрать, да и пацан тоже на что-либо сгодится.

Один из сопровождавших его охранников, крепких мужчин с холодными безразличными глазами, вынул руки из-за спины и сделал шаг в направлении второй комнаты.

– Господи, – прошептала Юля, метнув взгляд на приоткрытую дверь в детскую, где Ванька, увлеченно сопя, раскрашивал человека-паука. – Не смейте! – Она вскочила и бросилась ему наперерез.

Охранник взмахнул рукой и легонько ткнул ей ладонью под дых.

– Рожа, конечно, подкачала, но сиськи ничего, – осклабился он, глядя, как она корчится от боли у него под ногами. – Радику продать можно – у него наверняка найдутся любители на такую экзотику, да и мальчишку он с удовольствием возьмет.

– Где мне расписаться? – хрипло спросила Юля, с трудом отдышавшись.

В ее дрожащие пальцы вставили ручку, она накарябала несколько кривых закорюк и скужилась на диване.

– Значит, так, – сказал Бурцев, – убирая документы в портфель. – Сидишь тут до утра и не вякаешь. Даже вещички кое-какие можешь собрать. Я сегодня добрый.

– Сберкнижку верните. Это мои деньги, личные.

– У супругов не бывает личных денег, все общее, и долги тоже. У тебя один выход – сделать так, чтобы муж вернулся. С деньгами. Тогда и поговорим. Про квартиру, сберкнижку и прочее. Поняла?

– А Вележев знает, что вы тут себе позволяете?

– Знает, знает. И еще, – он жестко прищурил глаза, – если ты, не дай бог, побежишь жаловаться в полицию или еще кому, – он усмехнулся, – пойдешь на запчасти, а пацана я на фарш пушу, на «Педигри». Это понятно?

Она с трудом кивнула.

Бурцев пошел к выходу, попутно отдавая распоряжения:

– Значит, Михаил, ты пока здесь останешься, проследишь.

Коротко стриженный молодой человек слегка кивнул и повел мощными плечами под кожаной тужуркой, сунул в карман ее телефон и застыл истуканом у входной двери.

До утра она пробыла в каком-то пограничном состоянии. Кое-как собирала вещи, не понимая, что брать, что нет. Охранник незримо маячил за ее спиной, бдительно следя, чтобы она не подходила к дверям. Да только вот некуда ей бежать за помощью, и не к кому. Нет у нее заступников, зря Бурцев беспокоился. И папы теперь тоже нет. И как же ей дальше жить? Ни квартиры, ни денег, ни работы. Ничего. Что ей делать? Жить со свекровью? Вряд ли та обрадуется. Или уехать домой в Новгородскую? А вдруг и там нахлебники не очень-то нужны? Профессии у нее нет, да и куда ее возьмут с таким лицом, разве что в судомойки. К утру она забылась недолгим сном у подножия детской кровати. Потом разбудила Ваню, одела, вызвала такси, загрузила в него два чемодана и пару сумок и поехала к родителям мужа.

Глава 5. Тайное и явное

– Что ж, закономерно, – Людмила Ивановна уже отвела Ваню в комнату и теперь слушала сбивчивый Юлин рассказ. Пройти ей хотя бы на кухню она не предложила. – Зло всегда наказуемо. – Юля непонимающе посмотрела на свекровь. – И что же ты теперь делать собираешься?

– Не знаю, – тихо ответила она. – Они все отобрали, все... В полицию велели не ходить... да и чем она поможет. Я же сама все подписала, сама.

– А зачем, вообще, неизвестно кого в квартиру пустила? – перебила свекровь. – Ты уверена, что это не жулики? Ты этих людей, вообще, когда-либо видела? Мало ли кто чего про Костю наговорит? Я уверена, мой сын не может быть ни в чем виноват. Больше того, я уверена, что скоро он вернется и все разъяснится. Но вот где вы жить теперь будете, хотела бы я знать? И на какие деньги ребенка кормить собираешься?

– Людмила Ивановна! – Юля чуть не плакала. – Вы правы во многом, но поймите – я испугалась... Они мне угрожали. Вы не представляете, что они обещали сделать... и с ребенком тоже!

Свекровь презрительно фыркнула:

– Ничего бы они не сделали, подумаешь... напугали.

– Как вы можете? – изумилась Юля. – Вы же мать, неужели вы бы не испугались, если бы Косте угрожали?

– Ах, вот ты о чем! – ноздри женщины возмущенно раздулись, а рот исказился в злобном оскале. И Юля от испуга отшатнулась. – Ты хочешь знать испугалась бы я, если бы моему сыну грозила опасность? Так я тебе отвечу. Да. Испугалась бы. И ради сына я на все пойду, на все соглашусь, даже чтоб он женился на авантюристке!

– Ка-какой авантюристке? – пролепетала Юля, вконец растерявшись.

– А то ты не знаешь, каким путем твой отец заставил Костю жениться на тебе? Не строй тут из себя овцу невинную!

– Боже мой, Людмила Ивановна! Ну что вы несете! – Юля вскочила и ухватила руками за стену, голова кружилась, и ей показалось, что сейчас она упадет. – Костя сам приехал! Как его могли заставить?

– Как?! – свекровь демонически захохотала. – Да так! Подсунули наркотики и арестовали. Составили протокол, что якобы он занимался распространением, и подписать заставили. А то ты не знаешь, как это делается? А потом условие поставили: или он женится на тебе или в тюрьму... Ну, и ты будешь утверждать, что это они сами такое придумали, и твой отец тут ни причем? Еще скажи, что ты этого ничего не знала, и что и правда думала, что Костя от большой любви на тебе женился? – и она снова разразилась злобным смехом.

Юля смотрела на нее во все глаза и поверить не могла, что это наяву происходит. Людмила Ивановна с белым от гнева лицом сверлила ее глазами и Юля сжала голову обеими руками: показалось, что череп ее сейчас лопнет как арбуз и все что там внутри вытечет и, может, тогда ей станет легче. «Умереть, – пришла безумная мысль, – вот прямо сейчас. Инфаркт, инсульт, или голова пусть и правда лопнет, что угодно...»

– Хорошо, мы уйдем, – услышала она свой голос, доносящийся, словно через слой ваты и, цепляясь за стену, медленно двинулась по коридору.

– Ага! – с радостным сарказмом согласилась свекровь, преграждая ей путь. – И куда ты ребенка потащишь? На помойку? С бомжами жить? Или в деревню свою его повезешь? Отец-то тебе ничего не оставил, даже конуры собачьей... У родственников христарадничать будешь?

– Ничего, – тихо сказал Юля, – как-нибудь. – Силы вдруг оставили ее, и она плюхнулась на банкетку. Сердце как-то вдруг замерло на мгновение, и Юля даже обрадовалась – а вдруг и правда сейчас умрет – вот счастье-то!

– Значит, так, – решительно сказала Людмила Ивановна. – Ваню с тобой не отпущу. Хочешь – по-хорошему договоримся, не хочешь – будет по-плохому.

Юля подняла на нее изумленный взгляд. Что значит, по-плохому?

– Ты безработная, бездомная женщина. Я тебе лишение родительских прав в два счета организую. Помнишь, надеюсь, где мой муж работает? – свекровь решительно встала на пороге комнаты. – На суде скажу, что ты алкоголичка, бьешь ребенка, и свидетелей найду, не сомневайся. Подтвердят.

Юля перевела дыхание, прислушиваясь к сердцу, которое еще немного постукало с переборами, а потом екнуло и снова застучало в прежнем ритме. На секунду она задумалась и даже глаза руками прикрыла, так больно ей стало от мысли, что Ванька без нее останется. Бедный малыш! А ведь свекровь, и правда, готова на решительные действия. Что она сможет сделать? Не драться же с ней? Вот тогда она ее точно в полицию сдаст.

– Зачем вы так? – прошептала она.

– Зло должно быть наказано, – повторила Людмила Ивановна, берясь за телефон. – Уходи. Или я вызываю полицию и органы опеки.

Юля склонила голову и подышала. Что ей делать? Неужели она оставит сына этой женщине? И куда они пойдут? У нее в этом городе ни одной знакомой души.

– Дайте мне немного времени проститься с ним, и я уйду, – попросила она, смирившись с неизбежным.

Свекровь посторонилась, пропуская ее в комнату. Юля присела рядом с сыном, который одним глазом смотрел на экран, где мельтешили Смешарики, а другим на бумагу, где пытался нарисовать круг. Круг получался кривоватым, но Ваня не сдавался.

– Что делаешь? – спросила Юля, обнимая хрупкие плечики.

– Лисую Смешаликов, – ответил Ваня. – Помоги, – протянул он ей карандаш.

– Мапочка уедет ненадолго, – сказала Юля, нарисовав окружность. – Ты с бабушкой поживешь?

– Поживу, – кивнул Ваня. – А с дедушкой можно пожить?

– Конечно, – улынулась Юля, сдерживая слезы, – и с бабушкой, и с дедушкой.

– Вот здорово! – крикнул Ваня и побежал из комнаты. – Бабушка! Я с тобой поживу!

Юля посмотрела ему вслед. Ваня рос веселым, контактным ребенком, никогда не цеплялся за маму, охотно шел к незнакомым людям на руки. Ну, и с бабушкой поживет, ничего страшного. Сумки с вещами стояли у стены, в них были Костины и Ванины вещи да пакет с игрушками: не могла же она оставить ребенка без любимых друзей. Ее одежда вся уместилась в небольшую спортивную сумку: некуда ей было наряжаться, да и ни к чему. Юля подхватила лямки и вышла, не говоря ни слова и не оглядываясь, стараясь изо всех сил не закричать от отчаяния.

* * *

«Так нельзя, – думала она, бредя по улице, низко опустив голову, придерживая рукой то и дело съезжающую с плеча сумку, – это же невозможно. Папа не мог так поступить. Это какая-то ошибка. И с Костей тоже ошибка. Он не мог». Кроме этого никаких других мыслей в ее голове не было, кроме, пожалуй, еще одной – надо поговорить с Вележевым. Они же друзья с Костей, надо просто поговорить и все разъяснится, все станет, как раньше: Костя найдется, они с сыном снова вернутся в свою квартиру, и этот эпизод будут потом вспоминать, как забавное происшествие.

Компания «ВеллИнвест» располагалась в одном из старинных, заново отреставрированных особнячков Васильевского острова. Она легко миновала охранника вниз и вошла в тес-

ный лифт. Офис Вележева находился на четвертом этаже, оставалось надеяться, что директор на месте и согласится поговорить с ней.

Ее выгнали через пять минут – вытолкали из приемной, дотащили до лифта и выпихнули за красивую лаковую дверь. И вот она снова на улице, сжимает в руках лямку, внезапно ставшей неподъемной сумки. Сверху вдруг посыпало дождем пополам со снегом, Юля развернулась и побрела прочь, глотая стекающие по щекам соленые капли.

Потом она долго бродила по городу, не чувствуя ни усталости, ни сырости в промокших кроссовках, не думая ни о чем, натываясь на людей, словно сомнамбула. Потом спустилась в метро и долго каталась по веткам, бездумно переходя с одной на другую. Наконец снова вышла на воздух. В это время, около восьми вечера, народу было не так много, но все равно ее периодически толкали в спину, спешащие по своим делам прохожие. Очередная машина обдала ее веером грязной воды из лужи. Сегодня же первое апреля, вспомнила она и чуть не расхохоталась в голос. Ну да, день смеха. Веселуха!

Юля огляделась по сторонам, с удивлением понимая, что вышла на Владимирский проспект, и тут ноги сами привели ее к Московскому вокзалу. Ну да, подумалось ей, вокзал самое место для такой, как она. Как сказал этот Бурцев, «убогая, что с тебя взять?» Зеленые буквы на электронном табло расплывались перед глазами. Куда ей ехать, в Новгород, к тете Нине? Да нет, как она уедет – здесь же Ваня! Надо вернуться, забрать его. Юля вспомнила перекошенное от злобы лицо свекрови. А если тетя Нина ее с ребенком не пустит? Людмила Ивановна хотя бы о Ване позаботится, что-то, а внука она любит... Тут у нее перехватило горло, сумка скользнула с плеча, и она закрыло лицо ладонями.

– Э-э, красавица, чего плачешь? – раздалось рядом. – Давай погадаю, всю правду скажу. Не бойся, бабушка не обманет.

Юля слегка приоткрыла лицо и искоса глянула на говорившую. И никакая не бабушка. Полная смуглая женщина, в пуховом козьем платке на голове. Юля шмыгнула носом и повернулась к женщине.

– Ну, – голос прозвучал глухо, – и что скажете? Какое счастье меня ждет? Может, принц на белом коне? Или денег мешок? А может, королевой красоты выберут? – слезы текли по ее щекам, и она утерлась рукавом куртки.

– А ты не торопись, – ничуть не смутившись, улыбнулась женщина золотозубым ртом. – Ручку дай, красавица...

– Не дам, – буркнула Юля. – Все равно денег у меня нет, зря стараешься.

– Ой, да разве ж я много прошу? Сколько дашь, столько и ладно.

– Нисколько нет, – девушка потянулась за сумкой. Придется уйти, а то ведь не отвяжется. – Меня из дома выгнали, и муж пропал... И вообще, не надо мне никаких гаданий, – махнула она рукой. Это она зря сделала, потому что цыганка ловко схватила ее запястье и тут же, развернув ладошку, чуть носом в нее не уткнулась.

– Эх, – сказала она, отпуская Юлькину руку, – глаза у бабушки уже не те. Не бойсь, красавица, все у тебя хорошо будет. Замуж скоро выйдешь. И работу найдешь, ты бабушку только слушай... Я тебе помогу, с таким человеком познакомя, век меня благодарить будешь! Он тебя на хорошее место пристроит, много денег будет, много... Да стой, я правду говорю!

Но Юля уже стремительно неслась прочь, не слушая пронзительные выкрики женщины. Не хватало ей еще с какой-то мафией связаться! Что, на ней клеймо стоит? Не успела на вокзале появиться, уже вляпалась в историю.

Высочив на перрон, Юля нерешительно остановилась. Возле поездов толпились пассажиры с чемоданами, сновали носильщики со своими тележками. Метались вдоль вагонов торговцы, наперебой предлагая газеты, напитки и прочие полезные для отъезжающих товары. Звякнули позывные, женский голос объявил о скорой отправке поезда «Санкт-Петербург – Волгоград». Юля завистливо вздохнула. Эти люди сейчас сядут в купе; развернут на столе вся-

кую снедь; проводник принесет горячий чай в граненых стаканах с железными подстаканниками; под перестук колес начнутся долгие разговоры, и вскоре всех потянет в сон, и они уснут, а поезд, мерно покачиваясь, будет мчаться вдаль к далекому городу, где, наверняка уже давно наступила весна, распустилась мать-и-мачеха, и земля покрылась свежей зеленой травкой.

Юля перевесила сумку с плеча на плечо и оглянулась. Тетка в пуховом платке стояла недалеко от входа и смотрела ей вслед. Рядом с ней топтался подозрительного вида парень в короткой дубленке, которому она что-то бурно объясняла, широко размахивая руками. Юля влилась в толпу спешащих к поезду пассажиров, те по пути разбежались по своим вагонам, и она осталась на перроне одна, нерешительно оглядываясь, не зная, что делать дальше. Если вернуться в зал ожидания, ее сто процентов не оставят в покое, а у нее совсем нет сил, чтобы сопротивляться.

– Девушка! – окликнули ее, – Так вы садитесь или нет? Поезд отправляется! – Проводница в фирменном синем пальто, приплясывая от внезапного порыва холодного ветра, мотнула головой в сторону вагона.

– У меня билета нет, – пробормотала Юля.

– Так ехать надо или нет? – снова спросила женщина. Юля неуверенно кивнула. – Ну, так заходи, заходи быстрее, – проводница втокнула ее в тамбур и вскочила на подножку, выставив руку с желтым флажком наружу.

Под вагонами лязгнуло, потом еще и еще раз, поезд дернулся и неспешно тронулся с места. Юля стояла в тамбуре и ошарашенно смотрела в окно. Поезд, наконец, разогнался: дома, деревья, фонарные столбы все быстрее и быстрее исчезали из вида. Проводница взяла с нее всего две тысячи, посадила в купе и обещала попозже принести чай. Вагон, объяснила она, полупустой, может, в пути еще пассажиры прибавятся, а пока Юля одна будет ехать, ну а если что, то та ее в свое купе посадит, благо она в этот раз без напарницы работает.

Юля устало закрыла глаза – сколько событий вместилось в один день, будто неделя целая прошла. И вот она уже катит в неизвестность, без денег, ну почти без денег (нельзя же назвать деньгами те жалкие две с небольшим тысячи, которые остались в ее кошельке) и самое главное – без надежды. Хотя нет. В ушах зазвучал голос цыганки: «Скоро замуж выйдешь и работу найдешь». Юля горько усмехнулась, не открывая глаз, вот только на это и надеяться ей теперь – на глупое предсказание или еще на какое-нибудь чудо.

Когда проводница приоткрыла дверь купе, она уже крепко спала, уронив голову на подушку. Женщина понимающе кивнула сама себе и поставила стакан чая на столик. Билеты в мягкий вагон были недешевы, так что пассажиров скорей всего много и не будет – не сезон все же. А так хоть какая-то копеечка.

Глава 6. Неожиданное предложение

Юля уже час бесцельно бродила по улицам незнакомого ей города. Сумка, хоть и нетяжелая, оттягивала плечо, и она с облегчением присела на лавочку в каком-то скверике. Центр города был застроен невысокими трех-четырёхэтажными домиками, выкрашенными в желтый цвет, с какой-то очень узнаваемой архитектурой. До поезда на Москву оставалось пять часов. Оттуда электричкой можно доехать до Новгорода. Вспомнила, как тетя Нина говорила: «Ты ж к нам приезжай, девочка моя». С чего она решила, что никому не нужна в этом мире? Вот же тетя родная есть. Поможет. Наверное. В любом случае пустит пожить хоть немного, оклемавшись от свалившегося на нее. Вчера, когда она без оглядки запрыгнула в поезд, то почти не понимала, что делает. Ее гнали страх и отчаяние.

Утром, глядя в окно на убегающие вдаль километры, ее пронзила мысль – куда она едет? Как могла бросить сына? Надо было хватать его в охапку и бежать. Будто затмение нашло, представила, как ночует на улице с ребенком и запаниковала. Испугалась. Кто там говорил, что трусость самый страшный порок? Да нет, не от трудностей она бежала в таком смятении, а от мысли, что Людмила Ивановна правду ей сказала, про отца-то. Никак в голове у нее не укладывалось – неужели отец так мог поступить? Или придумала старая мегера все? Или... или Костя ей так сказал, чтобы оправдаться, зачем уродину в жены взял? Да нет, не мог он такое придумать: ведь видел, что мать не в восторге от его внезапной женитьбы, наоборот, должен был уверять, что любит жену, какая б ни была. А вот если права свекровь, то многое тогда понятно становится: и внезапное появление его в доме Шадриных, и настойчивость, с какой убеждал в любви своей: и в грехах каялся, и на операцию обещал денег заработать, о чем потом и не заикался даже...

«Да... невеселый расклад у тебя получается, Юлия Петровна», – горько усмехнулась она и сунула ноги в так и не просохшие за ночь кроссовки.

Проводница, уже не спала: двери в служебное купе нараспашку стояли. На вопрос скоро ли будет следующая станция, удивилась.

– Ты ж вроде до конца ехать собиралась? Вот люди, сами не знают, чего хотят. Аль случилось что? – внимательно посмотрела она ей в лицо. – Деньги не верну, не надейся. Я и так рискую, сажаю тут вас по доброте душевной, а они тут начинают...

– Мне вернуться надо. Обратно. Я...

– Ну, надо так надо, – пожала плечами проводница, – только не реви. Вон уж и глаза на мокром месте. Ты чего это? Ну-ка, зайди.– Она взлохматила надо лбом коротко стриженные травленные перекисью волосы, потом налила кипятка в стаканы, выставила сахар, пакетик печенья, нарезанные ломтиками хлеб и колбасу.

Юля осторожно присела на краешек сиденья. От запаха еды рот наполнился слюной, в желудке заурчало.

– Бери, не стесняйся, – подбодрили ее. Она осторожно взяла бутерброд и хлюпнула носом.

Проводница посмотрела на нее, но ничего не спросила. Много их ездит, у каждого своя история, всех в душу пускать – сердце выгорит. У самой жизнь, как в сериале.

– Сейчас Елец будет, – город маленький, а вот через сорок минут уже Липецк. Вот там и сойдешь. Да в кассу не суйся, денег-то нет совсем? Иди к проводникам, кто-то да посадит, главное, понастойчивей будь, – проводница встала и принялась собирать еду, показывая, что сеанс благотворительности кончился.

* * *

На улицах города было сухо и чисто, ярко-зеленая травка лезла из-под земли, почки на кустах набухли до последней стадии созревания – вот-вот лопнут. Всего-то на несколько сот километров южнее, а какая разница! Но солнце хоть и светило ярко, но почти не грело, ноги в мокрой обуви подмерзли, и Юлю стал колотить озноб. Хотелось залезть в тепло хоть на пару минут, и она быстро пошла вдоль улицы, выискивая глазами магазин. И тут взгляд ее упал на табличку «Выставочный зал». Секунду подумав, Юля потянула дверь на себя и вошла в просторный пустой вестибюль.

«Выставка картин народного художника России Гореславского Г.А» гласил большой глянцевоый плакат на стене. Открывалась выставка третьего апреля, а сегодня второе и, наверное, ей нельзя здесь находиться, но тут было так тепло, что она не смогла заставить себя выйти наружу. Двустворчатая дубовая дверь с латунной ручкой оказалась чуть приоткрыта, и она тихонько юркнула в просторный светлый зал, увешанный полотнами.

Глаза ее равнодушно скользили по ним – ничего-то она в искусстве не понимает: так и не сходила за семь лет ни в Эрмитаж, ни в Русский музей – хоть было бы, с чем сравнить. Вот картина не очень большая и блеклая какая-то: деревянный домишко за редким частоколом забора, в палисаднике перед домом полуувядшие георгины, сбоку от калитки деревянная лавка, а на ней мужичок в ватнике, с папиросой во рту, ссутулившись, смотрит в никуда – вроде и прямо, а взгляд отсутствующий. Юля поразились, да это ж сосед их, дядя Миша! Тот как жену схоронил, тетю Любу, так тоже все на лавке сидел, беломорину смолил. Идешь мимо, бывало, крикнешь: «Здравствуйте», а в ответ молчание: не видит, не слышит. Потом его дети забрали в город, к себе жить. А и то верно – как ему одному, да еще такому чокнутому...

– Девушка! – прервал ее мысли чей-то грозный окрик. Юля испуганно отпрянула от картины. – Девушка, – раздалось снова, – вы, что здесь делаете? – женщина в сером костюме, с замысловатой халой на голове сурово хмурила тонкие брови.

«Ну вот, сейчас меня попрут, – тоскливо поморщилась Юля, – а я только-только к красному начала приобщаться».

– Вы на собеседование? – раздраженно спросила женщина и, не дожидаясь ответа, продолжила: – С ума с вами сойти можно! То опоздаете, то не приходите... Вот, Георгий Арнольдович, девушка, как вы просили – из местных, со знанием компьютера...

Юля оглянулась и увидела внимательный взгляд высокого пожилого мужчины с густой шевелюрой абсолютно белого цвета. Прямо как у Ельцина, подумалось ей, а потом еще – старик, а в джинсах. Тут тетка с халой вздрогнула, видать, рассмотрела ее лицо с другой стороны и зашипела громким шепотом:

– Я же по телефону только... я же не знала, Арнольд Георг... Ой! Георгий Арнольдович. Простите, ради бога! Извините... Я сейчас. Я все исправлю...

– Спасибо, Алевтина Наумовна, – остановил ее мужчина. Голос у него был хриплый и глубокий – казалось, жернова где-то там внутри проворачиваются, скрипят с натугой. – Я сам с девушкой поговорю. Вы нам чайку лучше сбацайте.

Алевтина с халой моргнула глазом в синей подводке и умчалась.

– Вы же не на собеседование? – засмеялся мужчина. Юля против воли улыбнулась и покачала головой. – Ну, тогда я жду...

– Чего? – удивилась Юля.

– Как чего? Как чего? – Георгий Арнольдович всплеснул в притворном негодовании руками. – Ваш рассказ, конечно! Что вы тут делаете?

– Ничего, – пожала плечами Юля, – я шла-шла и зашла. Мне до поезда еще долго, вот я и гуляю.

– Так вы проездом? – почему-то обрадовался Георгий Арнольдович. – Отлично! А позвольте вас спросить, что вы так долго стояли возле этой, к слову сказать, совсем обычной картинки?

Юля опять пожала плечами:

– Не знаю. Показалось, что это сосед наш, дядя Миша. Похож очень. И дом. И георгины...

– И где живет этот дядя Миша?

– В Новгородской области...

– Так вы из ВеликогоНовугорода?

– Ну, вообще-то, я из Петербурга, а родилась в Новгородской, да.

– А-а, – кивнул Георгий Арнольдович. – Ну и последний вопрос и пойдем чай пить. Что вы о ней думаете? О картине, то есть, – счел нужным пояснить он, видя ее удивленный взгляд.

– Я думаю, – после короткой паузы ответила Юля, – этот старик может целый день так просидеть. Его, наверное, легко рисовать было. Он в мыслях где-то там, в своих воспоминаниях. Только это ему и осталось. Вот. А больше я ничего не могу сказать. Я не очень-то в картинах разбираюсь. Вернее, совсем не разбираюсь

– Да-да, – сказал Георгий Арнольдович, – именно так, именно так. Правда, это совсем не Новгородская, а Псковская губерния, но сути не меняет. Ну что ж, чай мы с вами заслужили. Пойдемте.

Юля перекинула сумку на другое плечо и пошла вслед за странным мужчиной, подумав, что терять ей нечего, а чай в художественной галерее лучше, чем булочка с кефиром на лавке в сквере.

В небольшой комнатке уже был сервирован стол с чашками, и Алевтина, увидев входящего Георгия Арнольдовича, расплылась в обворожительной улыбке и суетливо начала разливать горячий чай, при этом она о чем-то все ворковала, смешно выговаривая букву «г», как «х».

Юля бросила сумку на пол возле дивана и уселась, скромно сложив руки на коленках.

– Ну что ж, – сказал мужчина, когда неумная Алевтина, наконец, оставила их одних, напоследок неодобрительно посмотрев на Юлю, – давайте-ка мы с вами познакомимся. Георгий Арнольдович, – представился он.

– Юля, – Она в замешательстве посмотрела на Георгия Арнольдовича. Тот как будто ждал от нее каких-то действий. Ах да! И она робко протянула тому руку.

– Bravo! – воскликнул он и пожал ей ладошку. – Женщина при знакомстве первая подает мужчине руку. Это вы знаете. Какими же еще талантами обладаете?

Юля пожала плечами:

– Да никакими.

– Ну да? – позволил себе усомниться Георгий Арнольдович. – Прочитать можете? – и он протянул глянцевого буклет. Текст был мелковат, но Юля уверенно зачитала начало. – Отличные глаза! – воскликнул Георгий Арнольдович. – А как у вас с компьютером? Печатать умеете?

– Умею, – кивнула Юля, не до конца понимая смысл настойчивых расспросов. – А что?

– Дорогая Юлия, – торжественно сказал Георгий Арнольдович, – я имею честь предложить вам работу.

– Мне? – удивилась она.

– Именно вам, – сказал он.

– Но вы же меня совсем не знаете, – неуверенно начала она. – И потом – я же в Новгород еду.

– У вас там кто? Дети? Муж? – спросил Георгий Арнольдович.

– Нет, – она качнула головой. – Просто родственники.

– Они вас ждут? Будут волноваться?

– Нет, – она опять покачала головой. – Я им даже не сообщала, что приеду.

– Ну, тогда я не понимаю причину вашего отказа, – улыбнулся он.

– Просто это так неожиданно, – Юля виновато посмотрела на него и робко улыбнулась. – Я никогда нигде не работала и совсем не знаю, что надо делать.

– О! Это совсем просто. Нужно, чтобы кто-то читал мне литературу, делал выписки, печатал текст, который я наговариваю на диктофон.

– Вы писатель? – спросила Юля.

– Я? – удивился Георгий Арнольдович. – Вообще-то, я – художник. Георгий Гореславский. – И он церемонно раскланялся, приподнявшись с дивана. Юля выкатила глаза и чуть пожала плечами. – Я вижу, что это вам ни о чем не говорит, – притворно сокрушаясь, вздохнул он. – А Жора Славский? – Она помотала головой. – Эх! – ироничная улыбка тронула его губы. – Так проходит мирская слава.

Юля тоже вздохнула и торопливо допила остывший чай. Сейчас с ней распрощаются, но хоть поела и согрелась. Все добре, как бабушка говаривала.

– Я пишу книгу, – тихо сказал Георгий Арнольдович, – ничего особенного. Просто воспоминания о жизни. Мемуары типа... – и он иронично усмехнулся. – Глаза у меня уже не те, от монитора болят, а ручкой писать – ни сил, ни желания. Вот я и просил подобрать мне девицу из местных. Почему из местных? – спросил он в ответ на Юлин немой вопрос. – Да чертов эстетский вкус! Ты видела, какие девки в Липецке? – внезапно перешел он на «ты». – Кровь с молоком! Идет по улице – щеки – во! – и он показал руками, какие щеки. – Глаза – во! – и он опять показал, какие глаза. – Сиськи... – тут он засмеялся, увидев, как Юлю моментом залил алый румянец. – А все почему? А потому – всю жизнь здесь по области военные полки стояли. При царях – гусарские эскадроны породу местную улучшали – дворяне, етить его! Потом наши – тоже не промах! В Липецке одна из лучших летных школ была. Немцы из Люфтваффе здесь летать учились! Во время войны на Липецк – важный стратегический объект – ни одна бомба толком не упала. Кто бомбил-то? Те же немцы, что до войны здесь амурь с девками водили, у многих и детишки тут остались, как тут бомбить! Так, покидают на подлете по периметру и домой. Ну, вот я и хотел воспоминания освежить. Я же сам из местных. Мама моя тут родилась. Красавица была! Бабка – та, вообще, королева! Все мое детство тут прошло, на речке Воронеж. Как лето, так я сюда. Эх, и здорово же было! Жалко, помирать скоро... – он помолчал, а потом, вздохнув, с пониманием ей улыбнулся: – Ты не бойся – я не маньяк и не извращенец. Женщины меня в силу возраста уже не волнуют, но красоту люблю – грешен!

– Ну, с красотой вы не угадали, – сказала Юля и взялась за сумку, приготовившись идти восвояси.

– Э-э, – махнул рукой Георгий Арнольдович, – что мне внешнее! Я, как художник, глубже вижу. И я не хвастун. Я себе цену знаю. Если я говорю, что вижу – значит, вижу. Ты ведь красавицей должна быть. Что там с тобой приключилось?

– Авария, – тихо сказала она.

– Давно?

– Восемь лет назад.

– Сколько же тебе было?

– Семнадцать.

– А хирурги что говорят?

Она пожала плечами.

– Денег все равно нет, так зачем душу терзать?

– Так, – он нахмурился и подпер щеку рукой. – Что-то ты, девица-красавица, не то говоришь... Ну да ладно. Это твоя жизнь, тебе решать. А мне вот скажи другое – работа нужна?

Юля чуть помедлила и кивнула. В кошельке было почти пусто, и утренний план забрать Ваню и уехать, куда глаза глядят, казался сейчас совсем невыполнимым.

– Ну и лады. Деньгами не обижу. Работы предстоит много. Я здесь еще неделю пробуду. Жить тебе, конечно, негде? Ничего. Это мы тоже решим. Итак, по рукам? – и он протянул ей ладонь с длинными кривыми пальцами.

– Да, – выдохнула Юля и решительно пожала протянутую руку.

* * *

День прошел суматошно: Гореславский то по телефону с кем-то ругался, то с кем-то встречался, но вскоре вспомнил и про неё, вручил тертый кожаный портфель, и велел всё той же Алевтине устроить ее в гостиницу.

Она оглядела одноместную аккуратную комнатку, заглянула в ванную, чистенькую, со свежими полотенцами на полке. Наскоро скинув одежду, Юля забралась в душ. Боже! Какое это было счастье – смыть с себя дорожную пыль, а с ней и тревогу, и неуверенность. Она ничего не знала об этом странном человеке – пускай он даже извращенец, но за возможность помыться, переодеться в чистое, лечь на белую хрустящую простынь – она готова сейчас душу дьяволу продать, ну, а потом будь что будет.

В портфеле оказался небольшой ноутбук, диктофон и груда мини-кассет. Диктофон с кассетами ее удивил: она раньше с такой техникой дела не имела, однако быстро разобралась, что к чему, и принялась за работу. С первой кассетой она промучилась долго. Голос у художника был глухой, хриплый и многие слова звучали непонятно – приходилось по несколько раз одно и то же место прокручивать. Но потом она как-то попривыкла и дело пошло бодрее. Манера изложения у художника была иронично-повествовательная, некоторым людям в его рассказах доставалось немало «теплых» слов. Юля решила не углубляться в такие детали, а просто старалась наиболее точно переносить слова на бумагу, вернее, на экран монитора. К вечеру зазвонил телефон на тумбочке.

– Как дела? – раздался в трубке голос Георгия Арнольдовича.

– Хорошо, – ответила Юля. – Заканчиваю третью кассету печатать.

– Как третью? – изумился Гореславский.

– Ну, я просто пока разобралась... потом быстрее будет, – начала оправдываться Юля.

Гореславский рассмеялся на том конце провода хриплым смехом.

– Ну, ты даешь! – хихикнул он. – Другие и одной-то за день осилить не могли. А ты ничего не пропускаешь?

– Нет, – ответила Юля. – Все точно – слово в слово.

– Ну, и хорошо. Сейчас поедem обедать или ужинать. Что там у нас со временем? А потом работать и работать. Я, видишь ли, полуночник.

Гореславский не соврал: самая работа начиналась почти к полуночи. Она приходила в его номер и зачитывала напечатанное за день. Гореславский внимательно слушал, вносил коррективы. Один раз Юля предложила поменять местами слова.

– Так выразительнее и более понятно, о чем речь.

Гореславский буркнул что-то по поводу курицы и яйца, но потом попросил прочитать еще раз Юлькин вариант и согласился, что, да – так лучше.

– А ты сечешь, – похвалил он. – А говорила, не училась нигде...

– Ну, школу-то я закончила, – вздохнула она и, не удержавшись, похвасталась: – С золотом.

– А кем стать хотела? – полюбопытствовал Гореславский.

– Журналистом, – Юля отвела глаза в сторону.

– А чего не стала?

Она кинула на него раздраженный взгляд. Что непонятного-то?

– Так и почему? – не унимался Гореславский. – Я смотрю, у тебя и задатки есть...

– Господи! – не выдержала Юля. – Да потому! Куда я с такой мордой? Людей пугать?

– Большую часть времени журналист проводит за столом или за монитором. Статьи писать – лицо не нужно, главное – руки и голова, – он постучал пальцем себе по лбу.

– А учиться? – тихо возразила она.

– А на заочном? – парировал он. – А по интернету? Ты сколько дома сиднем просидела? Да за это время вполне можно было уже какое-нибудь образование и получить.

Юля выкатила глаза, не ожидая такого напора. И обиделась. Хорошо ему рассуждать. Костя вот тоже никогда не понимал, почему она стесняется на улицу выходить. И папа не понимал. И этот тоже не понимает, каково это быть страшилищем, уродиной! Особенно если до того была ты королевой...

Но Гореславский больше не стал ее расспрашивать, и они продолжили работу. Заканчивалась она у них часа в три ночи, и то когда Юля зевоту уже не могла сдерживать.

Так прошла неделя. Днем Юля печатала с диктофона, потом проверяла написанное. Когда глаза уставали, наливала себе чаю и садилась возле открытого окна. Прямо за гостиницей виднелись купы деревьев, наверное, парк, туда по вечерам шли люди: семьями, парами, компаниями. Играла музыка и иногда ветер доносил запах шашлыка. В городе, похоже, вовсю начинался летний сезон. Юля старалась не думать о том, что будет завтра, из нее словно воздух выпустили, отключили от питания, выдернули вилку из розетки, и тянуть приходилось на остатках почти разряженной батарейки.

Глава 7. Странный гость

Накануне последнего дня к Гореславскому пришел гость – бомжеватого вида мужичок в смешной шапочке с помпончиком и редкой косматенькой бородашкой. Гореславский с гостем обнялся, да непросто, а с чувством и даже расцеловался. Сели за стол, Георгий Арнольдович фляжку с коньяком достал и еще какую-то закуску. У гостя глаза заблестели, он потянул из кармана газетный сверток, остро пахнувший вяленой рыбой, извлек из него громадного леща, постучал твердой тушкой по столу и сказал:

– Ну что, Жорик, слабо френч-коньяк рыбкой закусить?

Гореславский засмеялся и махнул рукой:

– Обижаешь, старик! Никакого французского. Только наш, советский, три звезды.

– Да ладно! – усомнился гость, отвернул пробку железной фляжки и втянул носом воздух. – Похоже. А что не пять? Финансы тебе позволяют. Или уже нет?

– Пока позволяют, – усмехнулся Гореславский. – Только если не видно разницы, зачем платить больше? – И они дружно рассмеялись.

Тут гость заметил Юлю.

– Жора! А что же ты не знакомишь меня с прелестным созданием? Узнаю, Жору! – Гость, не дожидаясь Гореславского, приподнял туловище с дивана и наклонил голову – помпон на шапочке смешно подпрыгнул. – Михаил Евгеньевич Остапчук. В прошлом художник, ныне – лицо без определенных занятий, но... смею уверить, с местом жительства.

– И я тебя узнаю, Бендер. Ты не меняешься, как только юбку видишь, сразу в стойку, словно пойнтёр.

– Бендером они прозвали из-за фамилии, – счел нужным пояснить Остапчук.

– Ага! – кивнул Гореславский. – А не после того, как ты выставку Моны Лизы устроил? Юля непонимающе посмотрела на него.

– Он, видишь ли, в мастерской повесил копию Джоконды...

– Хорошую копию... – вмешался Остапчук.

– Хорошую, хорошую... – согласился Георгий Арнольдович. – И объявление повесил, что, мол, один день выставка Моны Лизы, ну, и так далее. И народ шел, что самое удивительное.

– Я хотел доказать, что искусство ничто, мнение толпы – все! И доказал. Ни один не усомнился. А кто любопытствовал, почему выставка в мастерской, а не в музее, я говорил, что картину привезли на реставрацию и разрешили показ.

– Не усомнились, потому как в семьдесят четвертом, действительно, Джоконду привозили в Пушкинский музей. Наши власти с Лувром договорились, – пояснил Юле Гореславский. – Ну, и что ты доказал? – повернулся он к Остапчуку. – Что наш народ в живописи ни черта не разбирается? Так и без этого всем понятно. Скажи лучше, что ты таким образом нас подколоть хотел? Ну, скажи? – Гореславский пихнул друга в плечо и аккуратно разлил темно-янтарную жидкость в пузатые бокалы.

– А и скажу, – Остапчук лихо опрокинул коньяк в глотку и одним движением разломил леща. – Народу все равно, что на стену повесить – унитаз с непонятными шнягами или Джоконду. Всегда найдутся те, кто начнет восторгаться и провозглашать всякое дерьмо истинным искусством.

– Это ты про московский концептуализм? – усмехнулся Гореславский. – Так ведь кому ли, как не тебе, знать, что в искусстве главное концепт, мысль, а уж как ее выражать, через унитаз или Джоконду – дело художника.

– Художника! – фыркнул Остапчук и лихо опрокинул в рот порцию коньяка.

– Этак ты все мои запасы подобьешь, – то ли с осуждением, то ли с восхищением укорил его Гореславский.

– Не бойсь, Арнольдych! – улыбнулся Остапчук и похлопал себя по груди, – Я в гости с пустыми руками не хожу.

«Арнольдych» подозрительно покосился на выпуклость под его пиджаком и обреченно вздохнул. Юля хотела уйти, чтобы не мешать, но они дружно воспротивились. Честно говоря, ей и самой уходить не хотелось, любопытство так и распирало ее изнутри: что за странный гость, и что у них общего? Поэтому ломаться не стала и к застолью присоединилась. Даже коньяку чуть хлебнула. Так, губы смочила, и потом просто сидела, стакан с янтарной жидкостью в ладонях грела и помалкивала.

А мужчины все больше и больше набирали обороты. Половину их разговора Юля все равно не понимала, только то, что это совсем другой мир, про который она, сидя в четырех стенах, да общаясь со своей «высококультурной свекровью», и знать не знала. Она, конечно, печатая воспоминания Гореславского, более-менее с его жизнью знакома была, но все ей казалось, что это как в любой книге – литературный вымысел. Потом мужчины коньяк допили, и на свет была извлечена бутылка рябиновой настойки. Гореславский со странной гримасой бутылку в руках повертел, на стол поставил.

– Что, забыл? – гоготнул Остапчук. – Забыл, Жора, сколько мы этого добра извели?

– Да как забыть, – покачал головой Гореславский и постучал рукой по груди. – И забыл бы, да моторчик не даст.

– Ха-ха, – Остапчук, имитируя смех, ловко скрутил бутылке жестяную голову.

– Погодь, – остановил его Гореславский, – такие вещи в номерах гостиниц не пьются. Это на природе надо, на свежем воздухе...

– Это ты прав, Жора! – воскликнул Остапчук и стремительно вскочил. – Узнаю, узнаю старого пройдоху Жору Славского. Давайте, милая барышня, пойдем в леса, в поля, глотнем свежачка... – продекламировал он.

– Избавь нас от своего белого стихотворчества, – добродушно оборвал его Гореславский, и они, наскоро собравшись, шумной толпой вывалились из номера.

– А сейчас, милая барышня, вы увидите нашу местную достопримечательность. Жора, ты еще барышне не показывал? Ну, так и знал...

Они шли по улице с небольшим уклоном вниз, дошли до границ парка, пресекли дорогу и вступили под сень раскидистых крон. Сначала немного, а потом все сильнее в нос ударил странный запах: тухлых яиц или чего-то подобного.

– Ага, – засмеялся Остапчук. – Пахнет, родимая, если б не она – прощай печень, а так все еще работает...

В центре небольшой круглой площадки стоял невысокий каменный постамент, из которого торчали железные краны, с хлещущей из них мутноватой водой. Люди по очереди наполняли канистры и бутылки.

– Сероводородные минеральные воды, – счел нужным пояснить ей Гореславский. – Для печени и желудка первейшее лекарство.

Остапчук тем временем неизвестно откуда вытащил пластиковые стаканы и, налив в один из них воды, преподнес Юле. Та страдальчески сморщилась и выпила под одобрителы́е взгляды обоих мужчин. Потом они неторопливо шли по парковым аллеям, время от времени останавливаясь, чтобы принять очередную порцию рябиновой. Закуской им служила пара конфет, извлеченных Бендером из кармана засаленной кожаной куртки.

Юля скромно шла рядом и, не уставая удивляться, впитывала каждое слово. Ей было безумно интересно, она как будто приобщалась к чему-то неизведанному. К той жизни, которая была до тех пор скрыта от нее. Это как если бы она внезапно в Америку попала или даже на Марс. Друзья вспоминали дни молодости, выставки, студенческие проделки. Какие-то известные фамилии постоянно мелькали в разговоре, произносимые так обыденно, как будто речь шла о соседях по коммуналке.

Парк внезапно кончился и по асфальтовой разбитой дороге они вышли к берегу реки.

– Вот, ми-и-лая Ю-ю-лия, – дурашливо пропел Остапчук и повел рукой вокруг, – это и есть знаменитая река Воронеж. А это наш не менее знаменитый пляж.

Юля посмотрела – желтый песочек, железные кабинки для переодевания и деревянные грибочки с лавками вокруг. Все для досуга. У нее внезапно защипал левый глаз.

– А там, – махнул Остапчук на другой берег, – пляж для избранных. Помнишь, Жора? Ух, как мы там зажигали... Приедем, бывало, летом – все такие из себя московские студенты – идем по улице, а девки так и столбенеют, так и падают...

– И сами собой в штабеля укладываются... – закончил Гореславский

– Укладывались, укладывались, еще как! – кивнул Остапчук. – Особенно на том берегу...

– С нами дама, – напомнил Гореславский, покачнувшись и сел на лавку под грибок.

– Ах, простите! – театрально воскликнул Остапчук и плюхнулся рядом.

Юля пошла дальше, до кромки мокрого песка у воды. Река тяжело несла свои темные воды, не так давно освободившиеся ото льда. Золотые блики вечернего солнца прыгали по водной глади, взбрыкивая искрами на мелких бурунчиках. Слышался плеск – играла рыба. Юля отошла на пару шагов и присела на бетонный остов разрушившегося за зиму грибка. На том дальнем берегу также желтел песочек, островками проглядывали зеленые лужайки, чернели кусты, обещая в скором времени надежную защиту от нескромных взоров.

Ей вспомнилась другая река, другое время. Теперь щипало оба глаза, и она, не поднимая головы, потеряла их рукой. Порыв ветра взметнул ей волосы, поиграл и бросил в лицо, скрыв набежавшие слезы, Юля крепко сцепила зубы, сдерживая всхлип, и волосы убирать не стала. Спряталась.

– Смотри, смотри, – зашептал Остапчук, указуя на нее рукой. – Ты видишь? Видишь?

– Вижу, – сказал Гореславский. – И что?

– Дурак! – в сердцах бросил Остапчук. – Ее рисовать надо. Это же лицо! А волосы? А глаза? Заметил? Помнишь русалку у Кости Васильева? Эх, вот нет его с нами...

– Сам дурак! – огрызнулся Гореславский. – Чем рисовать? Вот этим? – И он вытянул перед собой скрюченные артритом пальцы.

– А хоть и так! – Остапчук вздернул давно небритый подбородок. – Художник и ногой нарисует, если надо. А ты...

– Что я? – спросил Гореславский, безмятежно смотря вдаль.

– Конъюнктурщик! – взвизгнул Остапчук. – Тебе столько всего дано, а ты... сидишь тут... выставки он устраивает... На старой славе выезжаешь?

– Кем дано? – усталая усмешка тронула губы Гореславского.

– Богом! Природой! Дьяволом! Я не знаю кем!

– Тебе, что ль, меньше дано? – прищурил глаз Гореславский. – Не меньше. Только ты свой талант, свою искру божью на это променял... – И он потряс в воздухе полупустой «Рябиновкой». Посмотрел и сделал огромный глоток.

– Дай сюда! – вырвал у него бутылку Остапчук. – Руки у него... – проворчал он и вытянул вперед ладонь. Рука с обкусанными ногтями слегка подрагивала, он вздохнул и, сунув ее в карман, извлек мятую пачку сигарет. – Будешь? – предложил он Гореславскому.

Тот отрицательно покачал головой, но потом, махнув рукой, достал сигарету и сунул в рот.

– Здоровье бережешь? – ехидно спросил Остапчук и чиркнул зажигалкой.

Гореславский не ответил, жадно затянувшись.

– Ну, и гадость ты куришь! – скривился он, выдохнув густую струю дыма.

– Так на другие денег нет, – пожал плечами Остапчук. – Пенсия, сам знаешь, какая... Хотя где тебе знать... Ты же у нас всегда хорошо пристраиваться умел... Конъюнктурщик!

– Давай не будем! – раздраженно ответил Гореславский. – Каждый раз одно и то же! Как выпьешь, так начинается! Сколько раз я сюда приезжаю, столько раз мы с тобой ссоримся! Может, хоть в этот раз сломаем традицию?

– Ага! – радостно и зло засмеялся Остапчук. – Это ты у нас любишь – традиции ломать. Как ветер сменился – так и у Жоры Славского традиции поменялись. Как модно было сантехнику искусством провозглашать – так у нас унитазы, да писсуары кругом, как мода на старорусское пошла – у нас церквушечки, да витязи с мечами. Как...

– Уймись! – прикрикнул на него Гореславский. – Никому не запрещено искать новые формы!

– Только почему-то у тебя всегда новые формы совпадали с текущими тенденциями. Конъюнктурщик, я же говорю.

– Ну, и что? – Гореславский, внезапно успокоившись, с наслаждением затянулся и прислонился к центральной опоре грибка. Он смотрел на темные воды реки и улыбался. – Да. Можно и так сказать. Я хотел рисовать, хотел, чтобы мои картины нравились людям, чтобы их покупали. А ходить в ботинках фабрики «Скороход» и в пиджаках от «Большевички», жить в коммуналке и давиться в очередях за колбасой не хотел.

– Ты продался за сервелат, Жора! – горестно воскликнул Остапчук.

– Иди ты! – махнул на него Гореславский рукой. – А ты не продался?

– Я?! – от возмущения Остапчук поперхнулся воздухом и закашлялся. – Я?

– Ну, не продался, извини, не то сказал. Ты – предал.

– Что? Что?

– Предал, – спокойно повторил Гореславский. – Мечту предал. Талант свой предал. Никто не заставлял тебя делать то, что ты сделал.

– Ты! – Остапчук вскочил и придвинулся к Гореславскому, сжав кулаки. – Все! Больше никогда! Чтоб я еще к тебе... с тобой! Пошел ты!

Юля все еще смотрела на сторону реки, мысленно находясь на другом берегу, в другое время. Как счастлива она была тогда, как весела, как беззаботна... За что судьба так жестоко обошлась с ней? Что такого она сделала? Она не слышала, о чем говорили друзья-приятели – слишком уж глубоко погрузилась в свои невеселые мысли. Когда громкие голоса достигли, наконец, ее ушей, она повернула голову, только чтобы увидеть спину удаляющегося Остапчука. Он шел, резко махая руками, помпон на шапочке, подпрыгивая, бил его по макушке. Через пару шагов он остановился и крикнул:

– Никогда! Не хочу тебя видеть! Никогда! И приедешь – не звони! – увидев, как Юля смотрит на него во все глаза, поклонился ей и, махнув рукой в прощальном жесте, побрел восвояси.

Юля подошла к Гореславскому, но ничего не сказала. Он сам смотрел с сожалением на стремительно исчезающую фигуру старого приятеля и, усмехнувшись, счел нужным пояснить:

– Мы всегда ссоримся. И всегда из-за одного и того же. Ничего. В следующий раз помиримся.

– А он кто? – осмелилась спросить Юля.

– Друг, – пояснил Гореславский. – Учились вместе. Он-то из коренных москвичей, на старом Арбате жил. А мои родители отсюда, из Липецка, переехали. Это мне лет двенадцать было. После школы я в Суриковский институт поступил, там с Мишкой и познакомился. С его талантом ему большое будущее прочили. Беда в том, что он идеалистом был, да, впрочем, и остался. Все про какие-то вселенские законы бытия толковал. Все ему справедливости хотелось. А сама понимаешь, как с такими идеями жить? Вот и влипал во всякие истории. А на последнем курсе его вообще выперли. Но все еще можно было поправить: восстановиться в институте – дипломная работа его была чудо как хороша... Но он в то время женился и тут

уже не до искусства ему стало. Он, конечно, рисовал, но кому нужны картины недоучившегося художника? У нас же как? Без бумажки ты... сама знаешь кто.

– А почему он здесь? Он же в Москве жил?

– Так он женился на местной красотке. Говорю же – девки здесь чудо как хороши. Я как-то на каникулы сюда поехал и Мишку с собой позвал, ну, и ему так понравилось, что каждое лето мы сюда наезжали.

Гореславский замолчал. Он до сих пор не знал, прав ли он был в той ситуации. Когда тебе всего двадцать пять, а впереди диплом и блестящие (как он думал) перспективы, ломать судьбу из-за женщины казалось ему крайней глупостью. И потом, он же не виноват, что Ольга залетела. Или виноват? Он понял, что ищет оправданий, как и сорок лет назад. Но он ее не бросал. Нет. Просто сказал, что еще рано жениться. Ему рано. Она, если хочет, пусть подождет, а он приедет за ней, когда устроится и начнет зарабатывать деньги. Не его вина, что у девушки предрассудки оказались сильнее, чем любовь – рожать без мужа – ах! что люди скажут. Вот и выскочила за первого встречного, чтобы «грех прикрыть». И не его вина, что первым встречным оказался Мишка Остапчук, лучший друг. Она, видите ли, ему тоже нравилась, и он не мог оставить ее в таком безвыходном положении.

Он его понимал и не понимал. Маленький шупленький Миша не пользовался такой популярностью у женщин, как плечистый рослый Жора. Ольга же была красива именно той истинно русской красотой, которую издревле воспевали поэты и писатели, и про которую неумоимо твердят иностранцы: русая коса до пояса, голубые глазищи в пол-лица, тонкая талия, крутые бедра, а грудь, хоть поднос ставь. Та красота, которая уже практически нигде не встречается, только вот в таких аномальных местах вроде Липецка или Ельца. Та красота, мимо которой ни один нормальный мужик спокойно не пройдет, сколько бы ему недокормленных изможденных моделей в качестве эталона ни навязывали глянцевого журналы и голливудские фильмы.

Во всяком случае, когда Ольга в панике приехала к Жоре в Москву, нашла его в аудитории, и тут же с ходу вывалила на него ошеломляющую новость, он, глядя на ее зареванное, но все равно прекрасное лицо, уже готов был согласиться и на свадьбу, и на ребенка, если бы она сдуру не начала ему угрожать (пойду, мол, в райком, ты же комсомолец! и так далее). Для Жоры Гореславского угрозы всю жизнь были, что красная тряпка для быка: он моментально становился глух к доводам разума. Вот и сейчас, услышав про райком, он спокойно развернулся и вышел, оставив Ольгу рыдать, уронив голову на руки. Тут-то и увидел ее Миша Остапчук. И напрасно Жора уговаривал друга одуматься, убеждал, что это все игра – девушке надо замуж, а уж за кого – не суть важно. И он, вообще, неуверен, что это его ребенок, ну и все в таком духе. В ответ он слышал неизменное: «Ты подлец!»

Михаил женился на Ольге и уехал жить в Липецк. Московские родственники жену-провинциалку не одобрили, и делить квадратные метры наотрез отказались. Михаил и не настаивал – в Липецк так в Липецк. Все равно из института его к тому времени поперли. Ольга бросила его через пять лет. Нашла себе другого – столичного инженера, присланного на местный завод цветных металлов. Так что вскоре она стала москвичкой, а Михаил прижился в Липецке, в однокомнатной квартирешке, доставшейся ему после развода. С ребенком видаться она ему не разрешала (все равно не твой), хотя алименты исправно трясла. Тогда вот и встретились они впервые за пять лет после выпуска. Михаил в Москву приехал и к Жоре домой заявился, а до того и знать его не хотел. Посидели, выпили – хорошо выпили – и пришли к выводу, что бабы, понятное дело, кто, а мужики – идиоты, конечно.

Все это Гореславский Юле рассказывал, пока они медленно шли с пляжа обратно. Рассказывал спокойно, в обычной своей насмешливой манере.

– Ну, что скажешь? – спросил он, закончив воспоминания, – Как на твой женский взгляд, подлец я или нет?

– Не знаю, – честно призналась она. – А как вы сами думаете?

– И я не знаю. Вот столько лет прошло, и до сих пор не знаю. Сказать, что совесть меня мучает? Так ведь нет. Любопытство – да.

– Любопытство?

– Ну да. Вот если бы я женился тогда на Ольге, что бы было? Стал бы Бендер великим художником? А я? Стал бы, вообще, кем-нибудь или поехал бы в Липецк помидоры выращивать?

– Помидоры? – удивилась Юля.

– Именно. Ольгина семья всю жизнь помидоры выращивала. Целые плантации. Потом на рынке продавали и всю зиму тем кормились, каждую весну, лето, осень на грядках горбатились, и так всю жизнь.

– А вы откуда знаете?

– Бендер рассказывал, ему ведь тоже пришлось кисти на лопату и лейку сменить. Неплохо, кстати, зарабатывали-то. Тесть с тещей молодым на свадьбу машину подарили. Мишка тогда в Москву приезжал, со мной, правда, видаться не захотел. Друзья говорили – приехал гордый, в кожаной куртке (модно тогда было), на машине, фу ты, ну ты!

– А почему он сейчас такой?

– Почему? Да все потому – нельзя отказываться от своего предназначения. Пусть тело сыто и в тепле, а душу не обманешь – ей пища другая нужна. Вот и стал Мишка за воротник закладывать. Я, кстати, Ольгу тоже понимаю – она все-таки не такая уж и стерва была. Не то, что нынешние. Но жить с пьющим неудачником – хуже смерти, тем более что не любила она его. Женщина способна на любую жертву, если любит, но, если нет – тут уж ничего не поделаешь.

Юля промолчала. Гореславский скосил глаза и просто взял ее под руку. Так они и шли – Георгий Арнольдович тяжело переставлял ноги, опираясь на Юлькину руку, а она старалась шагать помедленней и не думать о том, какое странное зрелище представляет их компания – седой, не очень трезвый старик и она, уродина. И тут они увидели Остапчука. Тот мирно спал на скамейке, по-детски сложив ладошки под щекой.

Глава 8. Другая жизнь

Гореславский со странной улыбкой смотрел на спящего друга. Юля, недолго думая, легонько потрясла Остапчука за плечо.

– Бесполезно, – сказал Гореславский. – Бендера, когда спит, пушкой не разбудишь.

– А вы знаете, где он живет? – спросила Юля. – Может, его домой отвезти? Не оставлять же его здесь?

– Браво! – воскликнул Гореславский. – Все-таки женское сердце не камень!

Они с трудом подняли Остапчука с лавки и, взяв с двух сторон под руки, потащили к выходу из парка. Юля опять совсем некстати подумала, на что похожа теперь их компания и чуть не рассмеялась. У начала проезжей части Гореславский поднял руку, и юркая синяя восьмерка резко затормозила у тротуара.

Остапчук жил на окраине, в панельной девятиэтажке. Пошарив по его карманам, они нашли ключи и открыли дверь. В квартире было относительно чисто, может, из-за малочисленной мебели. Даже телевизор и тот отсутствовал. На кухне гремел старый холодильник «Саратов», в котором одиноко стояла бутылка кефира, да лежало на полке что-то, завернутое в газету. Пока Юля хлопотала возле Михаила, Гореславский осматривал комнату – угол за шкафом оказался закрыт складной китайской ширмой. Он отодвинул створку и присвистнул от удивления. Юля обернулась и увидела в углу кучу сваленных в беспорядке картин с подрамниками и без. Гореславский увлеченно принялся копаться в этом бардаке.

– Мишка, Мишка, – бормотал он вполголоса. – Какие картины, а валяются, как мусор, сколько раз ведь продать предлагал. Мне продать, не кому попало, но ведь упрямый, как осел. Вот, Юлия, посмотрите! – воскликнул он, извлекая на свет холст. – Это и есть Ольга. Здесь ей не больше двадцати. Это, наверное, Мишка сразу после свадьбы рисовал – видно, что с любовью.

Юля посмотрела. Да, ради такой можно было бросить и Москву, и искусство, и начать выращивать помидоры. У девушки на картине глаза сияли мягким светом, озорная улыбка чуть тронула уголки губ, пепельные, слегка выющиеся волосы чуть развевались от дуновения ветерка.

– Видите, как освещает лицо солнце? – шепотом спросил Гореславский. – А этот порыв ветра? Я всегда говорил, что Мишка талант. Только идиот! – добавил он и вздохнул. – Или я идиот, – он еще раз глянул на портрет и снова вздохнул. – К старости многие начинают копаться в прошлом, жалеть о сделанном или несделанном. Так вот, Юля, я вам так скажу – никогда не жалейте о том, что сделано. Просто в тот момент времени вы не могли поступить по-другому – так о чем теперь жалеть?

– А если очень хочется? – тихо спросила она.

– А смысл? Все равно ничего не изменится. А жизнь может превратиться в кошмар. Вот как у Мишки. Когда Ольга ушла от него, Михаил приехал и неделю рыдал у меня на плече – какой, мол, он дурак, да почему он меня не послушал, жизнь свою загубил и так далее. Хотя тогда все у него было не так уж и плохо: квартира отдельная, как видишь, работа тоже была, деньги имелись – возможности для творчества более чем... Рисуй – не хочу. А там и выставку бы организовали, глядишь, и в институте можно было восстановиться, но он как ушел в депрессию, так и все... Я все думал – пройдет. Ну, пострадает месяц-другой и забудет. Но нет... Да и не думаю, что прямо уж так сильно он Ольгу любил, а вот обиделся он на нее сильно... Ведь он ради нее такую жертву принес – всю свою жизнь, да еще с чужим ребенком ее принял, а она, тварь неблагодарная, его использовала и бросила потом за ненадобностью. Это не я, – усмехнулся Гореславский, видя, как при этих словах Юля окаменела взглядом, – это я его слова повторяю.

– А если очень хочется? – повторила она. – Если по-другому не получается? Каждый день думаешь, что вот, если бы этого не сделал, туда бы не пошел – ничего бы этого не случилось, и сейчас все было бы иначе.

– Это ты про аварию?

Она кивнула, глядя в сторону. Гореславский помолчал и после недолгого раздумья произнес:

– Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется... И не только слово. Каждый наш поступок влечет за собой цепь событий. Причинно-следственные связи. Я тоже много об этом думал и думаю до сих пор. Есть такое понятие – преступление и наказание. Понимаешь? Наказания без вины не бывает – подумай, что ты такого сделала, что с тобой так обошлись.

– Я? – Юля возмущенно вскинула брови. – Что такого в том, что я решила прокатиться на мотоцикле с парнем? Это преступление?

Гореславский хмыкнул:

– Нет. А почему ты решила с ним прокатиться? Он тебе нравился? Ты хотела привлечь его внимание? Покрасоваться пред другими парнями, утереть нос подружкам? – Юля ошарашенно смотрела на него, не зная, что ответить. – Это называется гордыня. Один из смертных грехов, между прочим. Я бы сказал – самый страшный.

– Трусость, – тихо сказала Юля. – Трусость самый страшный грех.

– Ха! – возразил Георгий Арнольдович. – Это ты Булгакова читалась. У каждого свой страшный грех. Что такое гордыня? Уверенность, что ты лучше всех! И не просто уверенность, а еще и желание всем это доказать и показать. Вот и показала!

– Вы ничего не знаете! – крикнула Юля. – И знать не можете!

– Нет, конечно, – кивнул Гореславский, – не знаю. Но зато я все знаю про себя. Гордыня – это мой страшный грех. Ладно, пора уже и домой. Пусть Мишка проспится. Жалко, не попроцались – может, уже и не увидимся. Ну да, бог даст...

Захлопнув дверь, они вышли на улицу, Гореславский вызвал своего водителя и пока они ждали, сидя на скамейке возле подъезда, сказал:

– Завтра я уезжаю в Москву. Мне понравилось с тобой работать. Ты толковая и быстро печатаешь, – он улыбнулся. – Предлагаю продолжить наше сотрудничество. Жилье, питание за мой счет, ну, и зарплата, естественно. Только ты пока думаешь, помни, что я про гордыню говорил и не путай с гордостью. А то девушка, например, парню отказывает, думает из гордости, а это гордыня. Гордость совсем из другой оперы.

– Из какой? – спросила Юля, пытаясь осмыслить предложение Гореславского. Жить в Москве? Работать на знаменитого художника, помогать ему в написании книги? Да еще и деньги за это получать? Может, снится ей это все?

– Это я тебе по дороге в Москву объясню – ехать все равно долго. Ну, так как?

Юля задумалась. Ненадолго. Во дворе дома кричали дети, гоня по дорожкам на велосипедах и скейтах, лаяла собака, загнавшая дворовую кошку на дерево. Она смотрела на эту ежедневную обыденную жизнь и вспоминала свою, еще недавнюю, такую же простую и незатейливую, которую она потеряла. Но она вернет ее. Во что бы то ни стало.

– Да, – сказала Юля, – конечно, поеду. Вы же не думаете, что я идиотка?

– Вот уж нет, – улыбнулся Гореславский. – Идиотке я бы и предлагать не стал.

* * *

Лето уверенно наступало на город – майское солнце явно обещало горожанам наступление небывалой жары. Москва суетливо готовилась к отпускному сезону: витрины пестрели объявлениями о скидках, девушки всех возрастов поспешили скинуть плащи, куртки, демонстрируя загар, приобретенный в соляриях или на экзотических курортах. По вечерам, нарядно

одетые, они выпархивали на улицы, спеша, словно мотыльки на яркие огни кафе, ресторанов и ночных клубов. Юля наблюдала за ними из окна квартиры Гореславского с высоты шестого этажа и душу готова была продать, чтобы хоть на минуточку очутиться там, внизу, среди шумной толпы и громкой музыки.

Дни ее не отличались разнообразием: она и в Москве по-прежнему набирала текст на компьютере, выискивала в Интернете или в различных справочниках нужную информацию.

Иногда приходилось ездить по каким-нибудь поручениям, вдвоем с водителем Гореславского Юрой. Юра, плотный словоохотливый мужик сорока с небольшим лет, возил художника уже не первый год и Юле вполне сочувствовал, сетуя на характер хозяина – вредный и противный. Может, и так – поворчать Георгий Арнольдович любил, но Юля не особо обижалась. Во-первых, возраст: в старости у всех характер портится, уж ей ли не знать – насмотрелась в свое время на бабулек деревенских. А во-вторых, ругался он хоть и грозно, но Юле вот нисколько страшно не было, потому как сразу после бури, Гореславский остывал и тут же предлагал мириться.

Жил художник практически в самом центре Москвы, на Кутузовском проспекте в доме с башнями, портиком и колоннами. В первый день Юля с любопытством в квартиру зашла: думала, если уж у свекрови ее все в хрустале, да в фарфоре, то уж у художника, да еще знаменитого и вовсе Версаль, не иначе... Но нет, обстановка в квартире оказалась простой и чуть ли не аскетичной. Никаких тебе вензелей на лепнине, да и лепнины не было – причудливой формы потолок с выступами, с подсветкой, еще с какими-то дизайнерскими примочками. Кругом по стенам картины развешены, а еще книги, много-много книг.

Приехав в Москву, сразу же позвонила свекрови. Та разговаривала с ней сухо, да Юля другого от Людмилы Ивановны и не ожидала. Она-то с Ванечкой поговорить хотела, голосочек его услышать, но и этого свекровь ей не позволила. Нечего, мол, ребенка расстраивать, он только-только успокоился. Так вот трубку и бросила. Юля даже про Костю спросить не успела: что с ним, где он, как он. Нет, поняла она, не отдаст ей свекровь сына. Никогда. Выход один – заработать денег, забрать Ваньку (выкрасть, если надо) и уехать куда-нибудь далеко-далеко. Да где угодно согласна жить, лишь бы подальше от этих людей, чтоб не видеть, не слышать. Георгий Арнольдович обещал платить пятьсот долларов ежемесячно. Юля быстро в уме подсчитала, сколько примерно надо на съем квартиры, да на тот период, пока она работу не найдет. Жаль только, что все это время Ваня без нее проживет, не зная, как она по нему скучает, да еще наверняка свекровь ему гадостей про нее наговорила!

Вот если бы Гореславский согласился Ванечку у себя поселить? И тут же себя одернула – ишь, какая шустрая – посади ее за стол, она и ноги на стол... Ей и так Гореславского никогда не отблагодарить за все, что он для нее сделал и делает, да и чем она его отблагодарить может? Разве что... Она обдумала мысль, пришедшую в голову, и решительно сжала кулачки. Ей терять все одно нечего, да и кто ее теперь осудить сможет? Она сама по себе, сама себе хозяйка, и себе и своему телу.

В один из вечеров Гореславский домой пришел и с порога зычно поинтересовался:

– А чем это у нас пахнет?

За это «у нас» Юля тоже была ему благодарна.

– Ужином! – крикнула она из столовой, где спешно складывала красивым бантом последнюю салфетку.

– Етить твою... через коромысло, – Георгий Арнольдович любил иногда так... замысловато выражать свои чувства.

Юля улыбнулась и сделала приглашающий жест. Гореславский оглядел нарядно сервированный стол. Свечи Юля не решила зажечь, а так все было по правилам – и салфетки, и вилочки, и ножички, и хрусталь.

– Это что же, Вероника Васильевна так расстаралась? – спросил Гореславский.

Приходящая три раза в неделю домработница, конечно, здесь была не причем, но Юля кивнула и улыбнулась:

– Просто захотелось чего-то вкусенького, вот мы с ней и придумали...

– А вино по какому поводу?

– Да мало ли поводов можно найти? Например, мой приезд в Москву. Или первая неделя моей работы, или...

– Или... если бы я не был так удручающе стар, то глядя на эти морепродукты, и прочую экзотику, решил бы, что кое-кто удумал меня соблазнить.

Юля почувствовала, как заливают щеки краска, сжала губы и решительно посмотрела Гореславскому в глаза.

– А даже если и так, то что?

– Ну, милая моя... Ничего у тебя не выйдет. Зря время потеряешь.

– Хорошо, – покорно согласилась она. – Но не пропадать же добру? Мы очень старались.

– Да ладно, – миролюбиво махнул рукой Георгий Арнольдович. – Что я, баб не знаю? Я уже давно на вас не обижаюсь и ничему не удивляюсь. А выглядит, однако, аппетитно. – И он ловко подцепил вилкой блестящую черную маслинку.

* * *

– И все же тебе это удалось, – сказал Гореславский.

Юля давно уже проснулась и просто лежала, тихонько слушая тяжелое дыхание мужчины. Она промолчала, все еще не уверенная, что поступила правильно вчера вечером, когда решительно подошла, положила руки ему на плечи и сильно прижалась молодой упругой грудью. На Косте этот прием срабатывал моментально. Честно говоря, сердце ее обмирало – от одной мысли, что кто-то другой, кроме мужа, до нее дотронется. И в то же время жутко интересно было, а как это будет – как с ним или по-другому? Оказалось, по-другому. Да и кто сказал, что все мужчины одинаковы? Своего опыта не имелось, но все хором оно утверждали, она и верила простодушно. Костя инициативу первым редко проявлял, но на ее ласки реагировал очень чутко, со всем жаром молодости, заводясь, что называется, с пол-оборота, и также быстро утолив желание, засыпал. Юля думала, что так и должно быть – возбуждение, которое она сама испытывала, не получив должной разрядки, быстро гасло или, вернее, притихало до утра, когда муж, еще не вынырнув из сна, уже шарил руками по ее груди, бедрам, тогда-то и добирала она свое короткое и какое-то жалкое наслаждение.

С Гореславским все оказалось не так – вместо напора и страсти было спокойное, долгое узнавание друг друга. Гореславский ласкал ее терпеливо и нежно, и она потихоньку расслабилась, уже не пыталась анализировать происходящее, а когда мозговые центры и вовсе отключились, в действие вступил древний как мир инстинкт. Поэтому она не поняла, что именно ей удалось? Кажется, удалось как раз ему. Так что она промолчала и только приподнялась на локте и посмотрела на Гореславского – не шутит ли? Одеяло соскользнуло, и она торопливо потянулась за ним.

– Нет, нет, – остановил ее Георгий Арнольдович, – какое у тебя тело! В одежде-то и не понять.

Она покорно отпустила одеяло и лишь локтем лицо прикрыла. Георгий Арнольдович встал с постели и вышел из комнаты и на пороге оглянулся, чтобы еще раз полюбоваться изгибом женской фигуры. Вот так бы он ее нарисовал, если бы вдруг ему захотелось взять в руки карандаш. Он подумал о мольбертах и красках в мастерской, под которую была приспособлена огромная лоджия, и куда он не заходил уже довольно давно. При академии, где Гореславский вел занятия, имелась мастерская, где выполняли свои экзерсисы его студенты, а сам-то

он давно уже ничего не рисовал, кроме подписей на документах. Слава богу, он за свою жизнь заработал достаточно, чтобы обеспечить безбедную жизнь в старости.

Гореславский накинул халат и по пути на кухню, не удержался – заглянул на лоджию. На столе все еще лежал раскрытый альбом, где виднелся нечеткий контур какого-то наброска – уже и не помнил, когда он там чего нарисовать пытался. Он взял из стакана остро заточенный карандаш, ухватил его половчее непослушными пальцами – артрит с каждым годом мучил его все сильнее – и легко провел по чистому листу первую линию. Да вот так! Оглядел рисунок, улыбнулся и, сунув альбом под мышку, вернулся в комнату, подошел к постели, поправил складки на покрывале.

Он извел половину листов в альбоме, прежде чем рука обрела привычную твердость и легкость. Карандаш летал над белым листом, и Гореславского охватило знакомое чувство эйфории от работы. Юля покорно лежала на кровати, не проявляя недовольства. Повезло ему, однако, со своим последним приобретением. Считая себя законченным циником и предлагая девушке, явно оказавшейся в сложной ситуации, помощь, он, конечно, понимал, что ни фи́га она не бескорыстная; но и не солгал, когда говорил, что женщины его больше не интересуют; зато эксплуатировать ее молодость собирался по полной программе.

Будучи реалистом, Гореславский понимал, что внимание юных красоток к его персоне обеспечивает лишь старая слава да счет в банке. Дамы постарше тоже не обходили его своим вниманием, но Гореславский, зная себя, позволял легкий флирт, не более. Ведь это только если ты с женщиной двадцать-тридцать лет бок о бок прожил, вместе радовался, вместе горевал, вместе с ней старел, тогда, возможно, целлюлит на ляжках и не заставит поморщиться во время любовных утех. А чужая, незнакомая женщина, такая приятная при полном макияже и модном наряде, в обнаженном виде-то совсем не эталон красоты, отнюдь. Он в свое время на натурщи всяких нагляделся, и очень хорошо знал, что его эстетский вкус, как обычно, подведет стареющий организм в самый ответственный момент. И к чему лишний раз конфузиться? А тут ему такой подарок судьбы, можно сказать. Да, у каждого из них свои причины – ему нужна дешевая машинистка-секретарша, а ей защита и поддержка. Какие там у нее проблемы, он и знать не хотел – своих дел хватает, лишь бы его работу делала, как должно. Так он размышлял, а сам все рисовал и рисовал, пока Юля робко не пискнула, что ей срочно нужно выйти. Тогда он опомнился, глянул на часы и схватился за голову – у него же встреча через сорок минут, а он дурью мается!

Глава 9. Бес в ребро

Прошло два месяца. Москва плавилась от жары. Гореславский еще в начале лета перебрался на дачу в подмосковном поселке. Добротный бревенчатый дом с терраской, баней и беседкой Юле понравился. Здесь и работать можно было прямо на свежем воздухе, не опасаясь нескромных взглядов. Продукты им привозил Юра, а ели они в основном салаты из свежих овощей, да по вечерам мясо на мангале жарили. И так это было здорово – сидеть в уютной круглой беседке, вдыхать ароматный мясной дух от жаровни и прихлебывать из бокала легкое красное вино.

Раньше Юля вино не любила: насмотрелась дома на мужиков, как они портвейна дешевого нахлебаются, и ну по улице куролесить, но это было совсем другое – ароматное, чуть терпковатое, с привкусом лесной ягоды. Георгий Арнольдович себя знатоком считал и много интересного ей про искусство виноделия рассказывал. Да и не только про это. Про многое другое. В основном про художников, конечно. Он рассказывал и рисовал. Рисовал и рассказывал.

Юля поначалу отнекивалась – ладно, когда он ее голую заставлял позировать – ей отчего-то совсем не стыдно было. А чего стыдиться? Все у нее на месте: даже грудь после родов не опустилась, ну, это потому, что грудью она и не кормила почти – молока не было. А вот когда он лицо принялся рисовать, она вся прямо внутренне сжалась – она и сама на себя смотреть не могла, все глаза опускала или отворачивалась, если мимо зеркала доводилось проходить – а тут на ее лицо совсем посторонние люди пялиться будут! Но Гореславский на нее пару раз прикрикнул, дурехой обозвал, и она смирилась.

Ей до сих пор не верилось, что это все с ней происходит – вот вроде судьба ее была предопределена уже давно – еще даже до аварии. Ну, закончила бы институт, потом замуж бы вышла, не исключено, что и за Костю даже, ну, или еще за кого. Ребенка бы родила, и там все как у всех пошло бы. Тетя Нина ей, как она в гости приедет, все новости местные перескажет, бывало, про одноклассниц Юлькиных: кто в город переехал, кто дома остался, кто куда поступил или нет. И у всех в результате итог один получился: замуж вышли и с ребенком дома сидят. Смысл был ли во всех этих институтах, мечтах, стремлениях? Ладно, она тоже ребенка родила, так ведь если бы не это, давно бы уже с ума сошла. А подружки ее, молодые, здоровые, куда торопились? Господи, ей бы их возможности! В современном мире для женщины столько интересных путей – если бы она могла что-то изменить в своей жизни! От мыслей этих спасала только работа, она и работала, до изнеможения, пока глаза не начинали слипаться, а буквы на мониторе двоиться.

Гореславский тоже много думал в последнее время: о жизни своей, о работе, итоги подводил, отчасти оттого, что книга все стремительней продвигалась к финалу – спасибо Юле, ибо работала она с потрясающей быстротой. Думал в обычной своей ироничной манере – про коня, который борозды не портит и про беса, который в ребро. А с другой стороны, все чаще его посещали странные мысли благодарности своей тихой безответной помощнице. Как жила она раньше, с кем? Она ничего не рассказывала, да он и не спрашивал.

Сначала ему это очень импонировало: он и сам не любил никого лишними проблемами грузить. Но в последнее время стало немного задевать – неужели ей настолько неинтересно с ним поделиться? Женщины любят о себе, о жизни рассказывать – плакаться или хвастаться, смотря по обстоятельствам, это он точно знал. Что же там такое, что ей даже вспоминать об этом больно? Конечно, авария здесь не последнюю роль сыграла – тут и мужик бы сломался, а уж для женщины внешность на первом месте стоит, он, как художник, понимал это, может, лучше других. Постепенно – тут вопрос, там ответ – Юля рассказала ему свою жизнь, и отношения их изменились: он стал ее больше жалеть, а она доверчивее стала, ласковей. Поэтому он не удивился, когда в один прекрасный день, вернее, утро, в голову пришла простая и ясная

мысль. И чем больше мысль эту додумывал, тем все больше и больше казалось, что это отличный выход из ситуации.

– Юля! – позвал Гореславский, услышав, что она проснулась.

– Да? – откликнулась та звонким голосом.

– Солнце встало, завтракать пора и за работу.

Юля вышла к столу, как всегда, уже одетая, причесанная. Не то, что современные девицы – до обеда в неглиже по дому бродят, от скуки не зная, чем себя занять. У Георгия Арнольдoviча две внучки имелись подросткового возраста – тут он ухмыльнулся, представив реакцию их матери на дедушкины похождения – так девицы сии вот так по дому обычно день-деньской и хаживали – в халатах, пеньюарах, то бишь, нечесаные, неумытые. Тут он опять ухмыльнулся, кажется, он и правда стал брюзгой – «А вот в наше время...»

Его тоже в свое время ругали за все: за внешний вид, за образ жизни. Ему было двенадцать, когда отца из Липецка в Москву перевели на машиностроительный завод главным инженером. Мать в столичной жизни адаптировалась быстро. В Липецке она в местном драмателе играла: так, ничего особенного, пара проходных ролей. А в Москве вдруг в одночасье главную роль получила, потом вторую, третью. Талантливой актрисой слыла в свое время. Эффектная была женщина: и одеваться любила красиво, и отдыхать. Жоре аскетизм также был чужд, потому, наверное, и не вышло из него истинного строителя коммунизма, но и вразрез с системой он тоже не пошел, так что во все времена, при любых правителях умудрялся на плаву оставаться, да и сейчас не бедствует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.